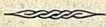

U $\frac{473}{162}$

473
—
162

ЖЕМЧУЖИНЫ

ТУРГЕНЕВСКОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАТЬИ:

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ИВАНѢ СЕРГѢВИЧѢ ТУРГЕНЕВѢ.

I. **М**АНДЕЛЬШТАМЪ.

71-28722

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау, Офицерская, 17.

1883.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 8 Ноября 1883 г.

Государственная
ордена Ленина
Библиотека СССР
В. И. ЛЕНИНА

26538-47

2010515726

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

I. Человѣкъ и общество:

Мысль и языкъ.

Отношеніе человѣка къ себѣ, къ людямъ.

Народность.

Любовь,—ея фазисы, моменты.

Женщина и женскіе образы.

Молодость и старость. 1—41

II. Животныя:

Собака.

Лошадь 42—46

III. Природа:

Утро.

Вечеръ.

Ночь.

Туча и буря. 47—62

IV. Предметы:

Лѣсъ, роща.

Дерево.

Рѣка.

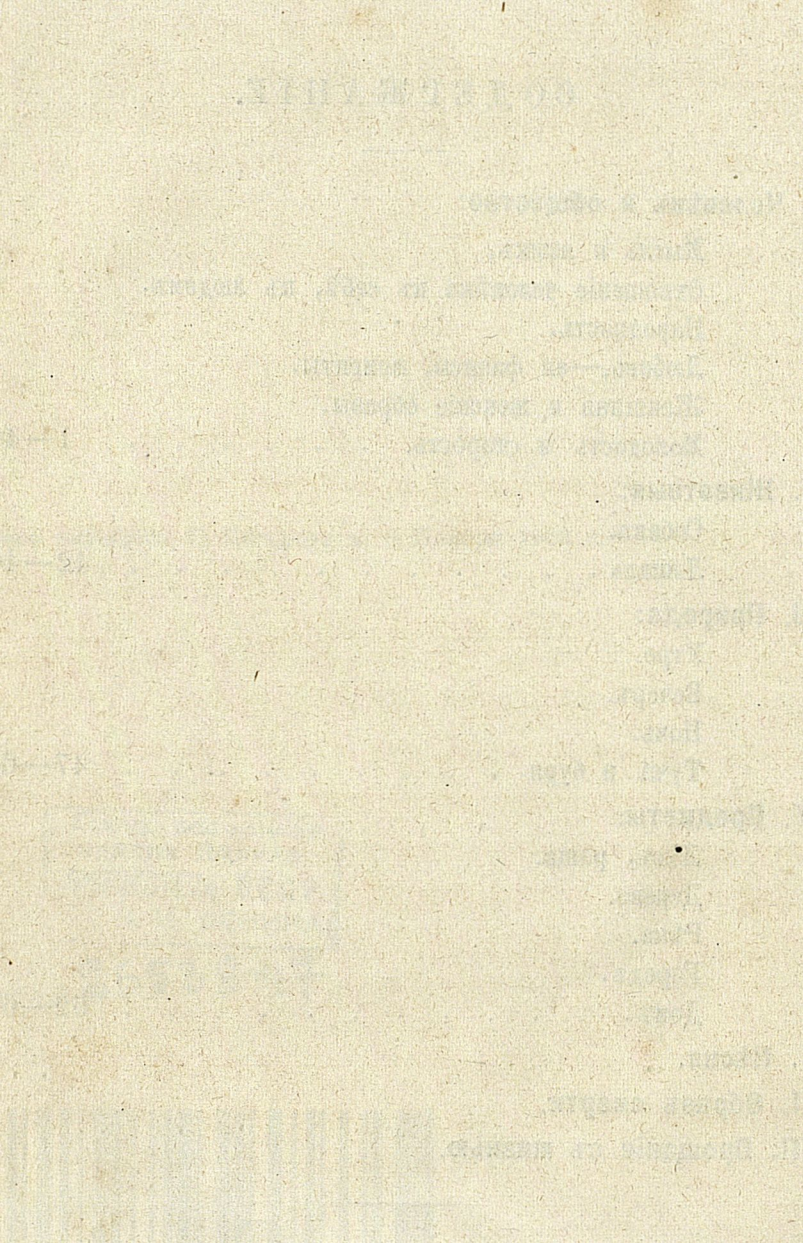
Городъ.

Домъ. 62—69

V. Пѣсня.

VI. Образъ смерти.

VII. Прощаніе съ жизнью.

Острая боль, которую испытываемъ еще отъ утраты великаго поэта, перейдетъ со временемъ въ тихую печаль; эта печаль смѣнится свѣтлою радостью за счастливое потомство. Тургеневъ завѣщалъ свою поэзію, какъ драгоцѣнный источникъ чистой жизни, изъ котораго будетъ потомство черпать нравственныя силы. Его произведенія прольютъ благотворный свѣтъ на страну, которую онъ такъ любилъ, и для которой онъ столько сдѣлалъ.

Въ этомъ заключается оправданіе выбора нѣкоторыхъ афоризмовъ, сентенцій, выражающихъ отчасти убѣжденія Тургенева, и отрывковъ изъ его произведеній, характеризующихъ поэтическое творчество, которое умѣло воспроизводить живьемъ разнообразныя моменты жизни человѣка и природы. Эти „жемчужины“ стоятъ заучиванья наизусть.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

объ

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Миръ поэзіи безпредѣленъ, — но Тургеневъ признанъ Европой властелиномъ въ этомъ мирѣ: геніальнымъ творчествомъ онъ покорялъ всѣ сердца всего образованнаго свѣта. Въ русской же литературѣ Тургеневъ безо всякаго сомнѣнія занимаетъ первое мѣсто; онъ царь поэтовъ нашихъ, потому что ни одинъ еще не распоряжался въ такой степени умомъ и сердцемъ русскаго человѣка, ни одинъ еще до него не жилъ внутреннею жизнью русскаго народа съ такою цѣльностью и съ такою полнотою.

Прежде всего необходимо понять и оцѣнить нравственную высоту этого великаго человѣка. Можно утверждать, что такой высоты не достигалъ еще ни одинъ поэтъ, предшествовавшій Тургеневу. Болѣе чѣмъ кто-либо Тургеневъ проникнуть былъ живымъ интересомъ къ широкому и сво-

бодному развитію и процвѣтанію родины. Понятія о гражданской жизни, которыя были усвоены лучшими писателями, предшествовавшими Тургеневу, не получили еще надлежащей широты; въ произведеніяхъ ихъ чувствуется недостатокъ свободнаго движенія, связывавшій мысли. Виною тому, правда, главнымъ образомъ, были условія нашей жизни, — силы, сильнѣйшія воли отдѣльнаго человѣка: истина не могла выражаться открыто, вещи не изображались въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, и свободная мысль, свободное толкованіе клеймились какъ преступленіе. Не было свободы ни въ наукѣ, ни въ критикѣ, ни въ поэзіи, ни въ романѣ — и въ исторіи нашего общественнаго самосознанія встрѣчается не мало прискорбныхъ явленій. Но вина падаетъ въ значительной степени и на самихъ представителей литературы. Въ нихъ не было независимости мысли и свободнаго сужденія. Недоставало нравственныхъ устоевъ, силы, которая могла бы служить противовѣсомъ гнету извнѣ. Представители не умѣли отстаивать независимость мысли на столько, по крайней мѣрѣ, чтобы не впадать въ противорѣчіе съ убѣжденіями, составлявшими, повидимому, достояніе лучшихъ людей. Идеалы ихъ разлетались въ прахъ, какъ только приходилось имъ столкнуться съ дѣйствительностью. Примѣровъ тому много. Иные сознавали, что нельзя было ограничиваться однимъ лишь заявленіемъ того или другаго принципа; требовалось и проведеніе этихъ принциповъ въ дѣло, чтобы идти противъ золь, продолжавшихъ обезсили-

вать внутреннія силы земли, — но на дѣйствіе наши писатели не были способны. У нихъ не было преданности идеѣ. Это зависило во многихъ случаяхъ и отъ того, что уровень умственного развитія не былъ высокъ, а въ характерахъ мало любви къ человѣку. Наши поэты хотѣли и искали власти, а въ деспотическихъ умахъ любовь къ человѣку, къ обществу, къ родинѣ, не находить себѣ почвы. Наши поэты часто чувствовали себя оскорбленными, когда ихъ никто оскорблять не думалъ; они испытывали бѣдствія гордости, мало испытавъ ея утѣшенія. Идею добра общественнаго они мало наслаждались. Они слишкомъ честолюбивы и слишкомъ высокомерны, и страсть приводила ихъ въ отчаяніе. Въ одномъ бушевала непрерывная буря гнѣва и желаній; въ другомъ чувство злобы вѣдрялось глубоко и съ жгучестью; третій раздражалъ раны уязвленной гордости — и всѣ вмѣстѣ словно радовались злобно при видѣ враговъ своихъ. Наши поэты были могучіе, но болѣзненные гении; природа ихъ бросила на жертву обществу и жизни, а въ нихъ общество и жизнь внесли всѣ свои яды. Единственнаго способа примиренія съ жизнью и развитія любви къ людямъ, нашимъ писателямъ не доставало; это — высоты понятій, которая состоитъ въ томъ, чтобы все видѣть.

Тургеневъ обладалъ этою высотой — онъ все видѣлъ. Онъ любилъ міръ, потому что объяснялъ его механизмъ; онъ интересуется страстями людскими, потому что чувствуетъ ихъ естественность; онъ понимаетъ ихъ силу, потому что

сознаетъ ихъ необходимость. Tout comprendre c'est tout pardonner — и Тургеневъ предохраняетъ воображеніе и умъ читателя отъ отвращенія къ жизни. Тургеневъ усматриваетъ въ мірѣ высокія истины, — они заслонены лишь въ жизни рутиною и косностью; онъ видитъ великодушныя порывы и инстинкты, которые въ жизни заглушаются насиліемъ. Но онъ понимаетъ, что никакая злоба людская не искоренитъ однако идеальныхъ стремленій. Онъ надѣется, что восторжествуютъ широкія идеи, подавляемыя тьмою и невѣжествомъ.

Но для борьбы съ тьмою нужна и любовь. А Тургеневъ любилъ и этою любовью былъ великъ. Онъ представляется намъ въ этомъ отношеніи первымъ поэтомъ у насъ, оставшимся себѣ вѣрнымъ отъ момента появленія на литературномъ поприщѣ до послѣдней минуты своей жизни. Основное начало, съ которымъ вступилъ онъ на дорогу вождя, повторилъ онъ на смертномъ одрѣ: „Любите людей, какъ я ихъ любилъ“. Слово и дѣло не расходились у него. Цѣльность — первая и главная отличительная черта его характера, и она-то заставляетъ всѣхъ преклониться передъ нимъ.

Цѣльное міросозерданіе, послѣдовательно-стойкое проведеніе своихъ идеаловъ — этого не было еще ни у одного изъ тѣхъ, съ которыми Тургенева ставятъ въ рядъ. Никто еще не сохранялъ до конца жизни той невозмутимой, ясной вѣры въ людей и той возвышенной, нравственной чистоты, которыми онъ всегда горѣлъ, и которыми дышать всѣ его про-

изведенія. Кто-то сказалъ о Тургеневѣ: „Если раздѣть Тургенева и поставить противъ оква, то онъ будетъ свѣтиться, какъ кусокъ хрустала—такъ чистъ онъ нравственно между нами“.

Любовь Тургенева къ людямъ вообще, обнаруживается особенно сильно въ отношеніи къ русскому народу—и горе только, что могъ онъ проявить ее не иначе, какъ удалившись изъ Россіи: „Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага за тѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ—крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца, съ чѣмъ я поклялся никогда не примириться... Это была моя Аннибаловская клятва... Я и на Западъ ушелъ для того, чтобы лучше ее исполнить“. И такъ клятву подсказало ему чувство любви къ родной странѣ.

Возвышенность патріотическаго чувства Т. рѣшительно выдѣляетъ его изъ ряда первостепенныхъ нашихъ писателей. Какъ истый чедовѣколюбецъ, высокоразвитый и широко образованный чедовѣкъ, онъ освѣтилъ „темное царство“ и съ нимъ боролся постоянно и побѣдоносно. Онъ побѣждалъ побѣдителей только благодаря тому, что въ немъ билось сердце, сочувствовавшее людскому горю. Онъ показалъ, что у насъ стремленіе къ воздуху къ свѣту—безсильно, что оно парализуется грубой силой и гибнетъ безутѣш-

но; онъ и врага знаетъ, губящаго все, но и въ немъ онъ не ненавидитъ человѣка; онъ его любитъ даже, — но онъ его заставляетъ сознательно относиться къ дѣйствіямъ, взглянуть правдѣ въ глаза прямо. Онъ показываетъ, что ничтожество и пустота совершаютъ безправіе бессознательно, что нарушая законы гуманности, люди не по праву считаютъ себя достойными уваженія.

Тургеневъ сердцемъ и душою принадлежалъ Россіи. Онъ любилъ свое отечество; — онъ не сочувствовалъ только славянофильской партіи — и кто станетъ его винить за то, что ему казались ребяческими отрицаніе западной цивилизаціи и условія основать какую-то особую восточно-славянскую цивилизацію на развалинахъ патріархальнаго крѣпостничества, которое онъ ненавидѣлъ всѣми силами души. Онъ и Россію потому любилъ, что западъ уважалъ, и въ Нѣмецкое море окунулся не изъ раболѣпства къ нему, а потому, что на западѣ онъ находилъ начала того добра, которое могло бы возродить родину. „Да-съ, я западникъ, говорилъ Тургеневъ устами Потугина, т. е. говоря точнѣе я преданъ образованности, той самой образованности, надъ которою теперь у насъ такъ мило потѣшаются — цивилизаціи... это слово еще лучше — и люблю я ее всѣмъ сердцемъ, и вѣрю въ нее, и другой любви, другой вѣры у меня нѣтъ и не будетъ! — Это слово и понятно, и чисто, и свято...“ То, что Тургеневъ говорилъ о Бѣлинскомъ, вполне примѣнимо къ самому Тургеневу: „Западническія

убѣжденія Бѣлинскаго ни на волосъ не ослабили въ немъ его пониманія, его чутья всего русскаго, не измѣнили той русской струи, которая была во всемъ его существѣ—тому доказательство каждая его статья. Да, онъ чувствовалъ русскую суть, какъ никто“. Правда, самъ Тургеневъ говоритъ: „я коренной, неисправимый западникъ и нисколько этого не скрывалъ и не скрываю“, — но бросившись „внизъ головою въ нѣмецкое море“ онъ не отчуждался отъ родины. Устами одного героя онъ говоритъ: „Россію я страстно любилъ и люблю“, а съ другой стороны онъ не рабски поклонялся западу; онъ въ лицѣ Паншина вывелъ всѣ комическія стороны западничества и заставилъ Лаврецкаго „разбить его на всѣхъ пунктахъ“. Тургеневъ остался европейцемъ въ томъ лучшемъ смыслѣ, отъ котораго ни одному русскому отказаться невозможно: онъ хотѣлъ свободу, полную свободу воззрѣній и понятій. И здѣсь слѣдующія слова Тургенева можно примѣнить къ нему самому: „Бѣлинскій любилъ Россію, но онъ также любилъ просвѣщеніе и свободу: соединить въ одно эти высшіе для него интересы—вотъ въ чемъ состоялъ весь смыслъ его дѣятельности, вотъ къ чему онъ стремился“. Говоритъ же Шубинъ объ Инсаровѣ: „Онъ сушь и всѣхъ насъ въ порошокъ стереть можетъ. Онъ *со своею землею связанъ*—не то, что наши пустые сосуды, которые ластятся къ народу: влеятся, моль, въ насъ живая вода“ — стало бытъ внѣ народности нѣтъ настоящей жизни. Въ другомъ мѣстѣ

Тургеневъ совершенно опредѣлительно высказываетъ значеніе народности въ литературѣ, искусствѣ, поэзіи. Будучи самъ свободнымъ мыслителемъ, онъ чуждъ былъ идолопоклонства. Устами одного героя онъ говоритъ: „Кто же васъ заставляетъ принимать зря? Вѣдь, вы чужое берете не потому, что оно вамъ чужое, а потому, что оно вамъ пригодно: стало быть, вы соображаете, вы выбираете. А что до результатовъ — такъ вы не извольте беспокоиться: своеобразность въ нихъ будетъ въ силу мѣстныхъ, климатическихъ, народныхъ и прочихъ условій.. Вы только предлагайте пищу добрую, а народный желудокъ ее переваритъ по-своему; и со временемъ, когда организмъ окрѣпнетъ, онъ дастъ свой сокъ. Возьмите примѣръ хоть съ нашего языка. Петръ наводнилъ его тысячами чужеземныхъ словъ... Сперва, точно, вышло нѣчто чудовищное, а потомъ началось перевариванье... Понятія привились и усвоились, чужія формы постепенно испарились, языкъ въ собственныхъ нѣдрахъ нашель ихъ чѣмъ замѣнить и — теперь вашъ покорный слуга, стилистъ весьма посредственный, беретъ переводить любую страницу изъ Гегеля, не употребивъ ни одного неславянскаго слова... Что произошло съ языкомъ, то, должно надѣяться, произойдетъ и въ другихъ сферахъ. Весь вопросъ въ томъ — крѣпка ли натура? а наша натура — ничего, выдержитъ; не въ такихъ была передрыгахъ. Бояться за свое здоровье, за свою самостоятельность могутъ одни нервные больные, да слабые

народы; точно также, какъ восторгаться до пѣны у рта тому, что мы, моль, русскіе,—способны одни праздные люди... Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ онъ говоритъ: „Неужели же мы такъ мало самобытны, такъ слабы, что должны бояться всякаго посторонняго вліянія и съ дѣтскимъ ужасомъ отмахиваться отъ него, какъ-бы онъ насъ не испортилъ? Я этого не полагаю: я полагаю, напротивъ, что насъ хоть въ семи водахъ мой—нашей русской сути изъ насъ не вывести. Да и что бы мы были, въ противномъ случаѣ, за плохенькій народецъ!..“

Цѣльностью природы, конечно, обусловливается и *правдивость* въ изображеніи типовъ—характеръ его творчества вытекаетъ изъ правдивой его природы. Если онъ принимался писать, то только по внутреннему крайнему побужденію творчества; онъ не въ силахъ былъ отрѣшиться отъ этого побужденія, хотя онъ дѣлалъ попытки противиться ему. Образы, создавшіеся въ его фантазіи, какъ результатъ лично пережитаго или передуманнаго, не давали ему покоя, преслѣдовали его—и онъ чувствовалъ себя свободнымъ только послѣ того, какъ записалъ то, что они говорили ему или другъ другу. Въ минуты внутренней работы, рассказываетъ Пичъ, онъ запирался въ своей комнатѣ и, подобно льву въ клѣткѣ, въ волненіи прохаживался взадъ и впередъ и стоналъ—и когда онъ принимался за перо, тогда онъ всѣмъ своимъ существомъ переживалъ то, что изображалъ. Когда онъ писалъ повѣсть „Несчаст-

ную“, въ которой изобразилъ сцену изъ студенческой жизни, глубоко запечатлѣвшуюся въ его душѣ, и почти вопреки собственному желанію рисовалъ образъ несчастной покинутой дѣвушки, онъ плакалъ.

Громадное вліяніе поэзіи Тургенева обусловливается тѣмъ, что будучи великимъ человѣкомъ, онъ еще въ большей мѣрѣ великій художникъ. Блестящая наблюдательность при удивительной силѣ воображенія, богатаго и непринужденнаго, раскрывала ему всю природу и всего человѣка, и при помощи могучаго его языка онъ творилъ чудеса. Его образы не игра восторженной фантазіи или мечтаній автора, и не воплощеніе личныхъ идеаловъ, а добросовѣстные этюды, созданные на основаніи тщательнѣйшихъ наблюденій и самого тонкаго пониманія дѣйствительности. Съ мечтательною поэзіею его свѣтлый умъ не могъ вовсе ужиться. У него нѣтъ романовъ съ придуманными интригами, съ манекенами, вмѣсто живыхъ людей, съ красивымъ вымысломъ и придуманными страданіями. Свои сюжеты онъ бралъ изъ жизни, въ ней онъ почерпалъ вдохновеніе и въ ней искалъ типовъ.

Тургеневъ обладаетъ въ высшей степени характеристическимъ свойствомъ истиннаго поэта: умѣнемъ изображать настоящихъ, живыхъ людей. Дѣйствующія лица его не только производятъ внѣшнее впечатлѣніе живыхъ людей, но они обладаютъ богатой повседневной внутренней жизнью, благодаря которой мы можемъ съ ними ознакомиться все-

сторонне, обстоятельно. Ни у Пушкина, ни у Лермонтова, ни у Гоголя мы этого не видимъ. У всѣхъ у нихъ чело-
вѣкъ изображается съ какой нибудь одной, преобладаю-
щей стороны, или рисуется общій, отвлеченный образъ. Превосходство Тургенева какъ великаго художника выра-
жается всего болѣе въ тождественности впечатлѣній, про-
изводимыхъ его дѣйствующими лицами на читателя съ суж-
деніями объ этихъ лицахъ самого автора. Ни о пушкин-
скихъ, ни о лермонтовскихъ герояхъ этого сказать нельзя;
а если оно примѣнимо въ высшей мѣрѣ къ Гоголю, то толь-
ко относительно одной какой либо *черты*, но не лица, не
характера.

По мѣрѣ того, какъ характеръ получаетъ большее зна-
ченіе, поэтъ подвергаетъ его такому глубокому и обстоя-
тельному изученію, что ознакомившись съ этимъ типомъ,
нетрудно выяснитъ себѣ капитальную сторону жизни. Та-
ковъ, напр., Рудинъ. Трудно себѣ представить что либо бо-
лѣ совершеннаго въ изображеніи человѣческаго характера,
полнаго невѣрія въ личное счастье и неспособнаго отдаться
дѣлу, вслѣдствіе отсутствія устойчивости. Въ немъ и вѣра
въ самого себя, въ свои силы,—но эта вѣра ограничивается
словами; въ принципѣ онъ готовъ на самоотреченіе,—но
оно бесплодно; и рядомъ съ этимъ кокетство и рисовка, хо-
тя безкорыстная. Сильный въ діалектичѣ, вліятельный въ
разсужденіи, — онъ увлекается собственнымъ краснорѣ-
чіемъ — и деспотиченъ въ авторитетѣ своемъ и высокомѣр-

но-нисходителенъ съ людьми; восторгаясь идеею, желая въ сущности добра людямъ, странѣ—онъ неспособенъ отдаться дѣлу; есть въ немъ жажда дѣятельности, но нѣтъ выдержки; его задачи широки,—но при отсутствіи фактическихъ знаній—задачи становятся неисполнимыми.

Вотъ разработка характера—русскаго характера.

Типовъ у Тургенева множество,—собственно, что ни лицо, то типъ, но каждый изъ нихъ выражаетъ какую нибудь самостоятельную идею, каждый изъ нихъ отличается особенностью; у каждаго свой особый кругозоръ, свой языкъ, и на каждомъ лежитъ печать той среды, изъ которой выхваченъ. У него нѣтъ двухъ подобныхъ типовъ, и никогда онъ не создавалъ фигуръ безцвѣтныхъ, незначущихъ, занимающихъ пустое мѣсто. Если встрѣчаются типы, имѣющіе отношеніе къ одной и той же идеѣ, то каждый изъ нихъ оригиналенъ относительно другаго. Взять, напр., Ермолая и Абалдуя—безшабашныхъ, ладящихъ; Степушку, Сучка и дѣдушку изъ Ананьева—забитыхъ; Звѣркова и Пѣночкина, этихъ безсердечныхъ помѣщиковъ — и всѣ они лица сами по себѣ.

Тургеневъ всецѣло входитъ въ натуру изображаемаго; онъ и дѣтей изображаетъ, словно самъ онъ это дитя. Не могу не привести замѣчательно художественный разговоръ двухъ мальчиковъ.

„А что, Ваня, ласково заговорилъ Оедя:—что твоя сестра Анютка здорова?

- Здорова, отвѣчалъ Ваня, слегка картавя.
- Ты ей скажи, что она къ намъ отчего не ходитъ?
- Не знаю.
- Ты ей скажи, чтобы она ходила.
- Скажу.
- Ты ей скажи, что я ей гостинца дамъ.
- А мнѣ дашь?
- И тебѣ дамъ.

Ваня вздохнулъ.

Эта одна жемчужина чего стоитъ: „Ты ей скажи, что она къ намъ отчего не ходитъ?“

Вспомнимъ, напр., разговоръ Поликарпа съ племянникомъ (въ Татьянѣ Борисовнѣ).

Конечно, главные типы требовали особенно серіозной и внимательной обработки — и результатъ такого отношенія къ искусству тотъ, что его типы живучи; они останутся близкими, пока будетъ существовать русскій языкъ.

Мы не знаемъ другого, такого чуднаго, вдохновеннаго художника, создававшаго бы такіе обаятельные и оригинальные образы, въ которыхъ правда такъ тѣсно сливалась бы съ идеалами и творческими вымыслами. Замѣчательное чутье указывало ему всегда тѣ предѣлы, которыхъ не долженъ переступать истинный художникъ. Никто изъ нашихъ писателей, изъ писателей европейскихъ, не умѣлъ, подобно ему, отъѣнить въ своихъ произведеніяхъ извѣстныя мѣста съ тою цѣлью, чтобы придать болѣе яркое освѣщеніе тому, что долж-

но выступить въ полномъ свѣтѣ. И всегда съ чувствомъ мѣры. У него никогда какъ у Гоголя, напр., не найдется лишняго балласта. Вездѣ и всегда Тургеневъ умѣлъ оставаться цѣлымъ и никогда не расплывался въ лишнихъ подробностяхъ.

Мы указали выше, что у него нѣтъ двухъ одинаковыхъ лицъ — а между тѣмъ всѣ до одного люди русскіе со всѣми ихъ достоинствами, инедостатками, со всѣми свойствами русскихъ людей. Глубокій психологъ и тонкій художникъ, авторъ умѣетъ въ нѣсколькихъ страницахъ создать вполнѣ законченное произведеніе. Онъ нѣсколькими штрихами рисуетъ цѣлыя фигуры такъ легко и свободно, что дивишься, какъ можетъ онъ, повидимому такими ничтожными средствами достигнуть такихъ поразительныхъ результатовъ. Это такой великій знатокъ человѣческой души и сердца, которому нѣтъ соперниковъ, у насъ по крайней мѣрѣ. Чтобы заставить васъ проникнуть въ душу людей, которыхъ онъ вамъ обрисовываетъ вполнѣ нѣсколькими словами, онъ окружаетъ ихъ такой обстановкой, которая сразу объясняетъ все, — и поражаетъ своею реальностью. Невольно, съ первыхъ же строкъ разсказа переноситесь въ ту среду, какую изображаетъ авторъ; начинаете жить жизнью героевъ, дышать однимъ воздухомъ, радоваться ихъ радостямъ и горевать ихъ печалями. Онъ обладаетъ чарующею способностью воспроизводить въ одно мгновеніе ока выводимое лицо, его тѣло, духъ, прошедшее, настоящее со всѣми подробностями и глубиною его существа; съ точною позою и

выраженіемъ фізіономіи. Вотъ образчикъ того, какъ два стриха рисуютъ характеръ и положеніе.

„Онъ (Пѣночкинъ) повелъ меня въ свой кабинетъ. Вмѣстѣ съ чаемъ подали намъ котлеты, яица въ смятку, масло, медъ, сыръ и пр. Два каммердинера, въ чистыхъ бѣлыхъ перчаткахъ, быстро и молча предупреждали наши малѣйшія желанія. Мы сидѣли на персидскомъ диванѣ. На Аркадіѣ Павлычѣ были широкіе шелковые шаровары, черная бархатная куртка, красивый фесъ съ синей кистью и китайскія желтыя туфли безъ задковъ. Онъ пилъ чай, смѣялся, разсматривалъ свои ногти, курилъ, подкладывалъ себѣ подушки подъ бокъ и вообще чувствовалъ себя въ отличномъ расположеніи духа. Позавтракавши плотно и съ видимымъ удовольствіемъ, Аркадій Павлычъ налилъ себѣ рюмку краснаго вина, поднесъ ее къ губамъ и вдругъ нахмурился.

— Отчего вино не нагрѣто? спросилъ онъ довольно рѣзкимъ голосомъ одного изъ каммердинеровъ.

Каммердинеръ смѣшался, остановился, какъ вкопанный, и поблѣднѣлъ.

— Вѣдь я тебя спрашиваю, любезный мой; спокойно продолжалъ Аркадій Павлычъ, не спуская съ него глазъ.

Несчастный каммердинеръ помялся на мѣстѣ, покрутилъ салфеткой и не сказалъ ни слова. Аркадій Павлычъ потупилъ голову и задумчиво посмотрѣлъ на него изъ подлобья.

— Pardon, mon cher, промолвилъ онъ съ пріятной улыбкой, дружески коснувшись рукой до моего колѣна, и

снова уставился на каммердинера. — Ну, ступай, прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанья, поднялъ брови и позвонилъ.

Вошелъ человѣкъ толстый, смуглый, черноволосый, съ низкимъ лбомъ и совершенно заплавленными глазами.

— Насчетъ Федора... распорядиться, проговорилъ Аркадій Павлычъ въ полголоса и съ совершеннымъ самообладаніемъ.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ толстый и вышелъ.

На основаніи произведеній Тургенева можно было бы составить энциклопедическій словарь, который содержалъ бы въ себѣ все, что имѣетъ отношеніе къ проявленіямъ душевной, нравственной и духовной жизни человѣка вообще, а русскаго въ частности и особенности. Можно было бы составить исторію развитія души человѣка, исторію развитія идей въ русскомъ обществѣ—исторію русскаго общества 19-го ст. Исторія и того и другого и третьяго опиралась бы на фактахъ, говорящихъ о глубокомъ знаніи человѣческой природы и русской народности. Въ русской народности онъ сидитъ глубокими и мощными корнями. Начать съ изображенія русскаго склада ума простонароднаго, нравственнаго строя русскаго простого человѣка. Чувство состраданія и любви къ ближнему; миролюбивость и уживчивость; отсутствіе зависти, ревности, злобы и вражды—все это подмѣчено и изображено удивительно вѣрно; русскій мужикъ добродушенъ и терпѣливъ,

невзыскателенъ и безпритязателенъ. Русскій мужикъ представляетъ здоровую натуру, и изъ него можно сдѣлать великое, при условіяхъ благопріятныхъ. Въ мужикѣ и остроумія много и юмора. Мы найдемъ среди народа и идеалиста, и романтика восторженнаго и мечтательнаго, — и административную голову. Здравый смыслъ подсказываетъ простому человѣку худое и доброе. Простой умъ понимаетъ, что „молодые господа больно мудрятъ, съ мужикомъ, какъ съ куклою поступаютъ, повертятъ, поломаютъ, да бросаютъ“. Онъ хочетъ видѣть новые порядки, но хочетъ видѣть въ нихъ разумныя начала. „Старое вымерло, а новое не нарождается, — и чѣмъ это кончится“, говоритъ Однодворецъ. — А вмѣстѣ съ тѣмъ удары судьбы переносятъ русскій человѣкъ съ стойкой выносливостью, — и когда онъ умираетъ даже, — ни вздоха, ни жалобы, ни стона, и „умираетъ“ словно обрядъ совершаетъ: холодно и просто“.

Всѣ созданныя фигуры и типы носятъ въ себѣ что то возвышающее и облагораживающее, они привлекаютъ читателя — а между тѣмъ всѣ до одной словно съ натуры срисованы.

Если натуры русскія свѣжи, здоровы, крѣпки; если они, какъ выражается Тургеневъ въ одномъ мѣстѣ, „увѣрены въ своей силѣ и крѣпости“; если „русскій не прочь поламать себя, когда нужно“; если „онъ смѣло глядитъ впередъ“ — то условія окружающія неблагопріятны для развитія силъ народныхъ — это ясно изъ множества поэтиче-

скихъ образовъ, реальныхъ, дѣйствительныхъ. Нужно замѣтить, что не смотря на то, что Т. писалъ съ предвзятою мыслью, онъ однако никогда не навязывалъ своихъ воззрѣній. Только съ нимъ нельзя не согласиться въ виду единственнаго вывода, какой напрашивается читателю изъ анализа представленныхъ образовъ: логика вѣдь одна. Слѣдуетъ не забывать, что Т. всегда становился на объективную точку зрѣнія социолога, внимательно изучающаго вліяніе среды на характеръ, что онъ даже не дѣлаетъ никакихъ обобщеній, напр. въ Запискахъ Охотника, гдѣ вліяніе крѣпостнаго права бьетъ въ глаза.

Въ стремленіи къ истинѣ, къ правдѣ, онъ хотѣлъ заставить самихъ читателей вдумываться и придти къ надлежащимъ выводамъ. Правдивостью его натуры объясняется великое достоинство какъ художника, что онъ не позволялъ себѣ ни малѣйшаго преувеличенія въ изображеніи лицъ, положеній, чувствъ; онъ никогда не увлекался идеею до того, чтобы измѣнить своему уваженію къ человѣческой природѣ. Т. представляется скорѣе всего толкователемъ чловѣка и природы, — онъ производитъ анализъ характеровъ; его талантъ состоитъ въ медленномъ собираніи многочисленныхъ подробностей, въ осторожной классификаціи, въ методическомъ выраженіи идей. Онъ заставляетъ взвѣшивать происшествія, взвѣшивать людей.

Взвѣшивая характеры, мы убѣждаемся, что здоровыхъ, нормальныхъ людей въ образованныхъ слояхъ нашего обще-

ства — мало. Здѣсь все болѣзненно, странно, исключительно. Люди съ твердымъ сердцемъ и могучей волей вовсе не встрѣчаются среди главныхъ дѣйствующихъ лицъ, исключая Базарова. Когда Т. нужно изобразить настоящаго человека, онъ беретъ болгарина и его надѣляетъ качествами, которыхъ нѣтъ у русскихъ лучшихъ людей. Характеры, къ которымъ Т. чувствуетъ уваженіе, обрисовываются слегка, они стоятъ у него на заднемъ фонѣ — и въ большинствѣ случаевъ употребляются лишь для контраста, чтобы яснѣе выказать слабую сторону главныхъ своихъ героев. — Его герои непослѣдовательны, безъ выдержки; полные внутреннихъ противорѣчій, они не увѣренны въ себѣ, они не устойчивы и сворачиваютъ съ избраннаго пути каждый разъ, при встрѣчѣ съ малѣйшимъ препятствіемъ.

Замѣчательно, что поэтъ, представляя себѣ всегда возвышенный идеалъ человека, не допускаетъ ни для кого возможности подняться до этого идеала, и со строгостью знатока жизни обличаетъ слабость: *неумѣнье оставаться вѣрнымъ идеалу, самимъ избранному.*

Въ „Перепискѣ“ Алексѣй задумалъ доброе дѣло — дать счастье женщинѣ, — и онъ покидаетъ ее. Рудинъ принимается и за одно, и за другое, и за третье — и бросаетъ все, не докончивъ ничего; онъ и Наталью бросаетъ. Санинъ не устоялъ противъ соблазна кокетства и оставляетъ чудную дѣвушку для души испорченной. Литвиновъ — тоже. — Всѣ бросаютъ сердечную доброту, честныя порывы, красоту и

идеалы ради сомнительнаго счастья, безъ основанія. Въ мечтахъ своихъ его лица не умѣютъ избѣгать крайности: то создадутъ себѣ міръ прелестный, но произвольной; то рисуютъ себѣ мракъ, и страданія пополняютъ душу—и они гибнуть всѣ. Все терпитъ крушеніе, ничего Россіи не удается; намѣренія благія, самопожертвованіе громадное—но нѣтъ соотношенія между цѣлями и средствами...

Находится ли такое отношеніе къ нашей жизни въ связи съ меланхолическимъ характеромъ самого поэта? Можетъ быть и да. Когда италіанскій писатель Чіамполли обратился къ Т. сообщить о себѣ біографическія свѣдѣнія, Т. отвѣтилъ: „Toute ma biographie est dans mes livres“. Жизнь его протекала на глазахъ у всѣхъ людей, хотя на чужой сторонѣ. Въ существованіи этого человѣка нѣтъ тайны и скрытыхъ сторонъ,—и всѣ утверждаютъ, что дѣйствительно меланхолическій умъ отличалъ поэта. Ральстонъ предполагаетъ, что не только природная меланхолія придавала мрачный колоритъ его фантазіи; самая жизнь его не была увѣнчана тѣмъ счастьемъ, котораго онъ заслуживалъ болѣе всѣхъ на свѣтѣ; и Тургеневъ говорилъ, что онъ чувствовалъ себя рожденнымъ для мирной семейной жизни; но судьбѣ угодно было отказать ему въ радостномъ домашнемъ очагѣ. Быть можетъ поэтому, полагаетъ Ральстонъ, его характеръ принялъ печальный оттѣнокъ, отразившійся въ его произведеніяхъ.—Въ этомъ замѣчаніи, вѣроятно, много справед-

ливаго, но имѣеть значеніе больше при оцѣнкѣ тѣхъ произведеній, въ которыхъ личность Т. играетъ главную роль: тогда „струны его звучали, когда рвались“; но общественное его разочарованіе имѣеть, кажется, основаніе въ другомъ. Главною причиною мрачнаго взгляда на жизнь, выразившагося въ общей мысли, что въ Россіи ничего не удастся, заключается въ горячей любви къ родинѣ. Онъ чувствовалъ и близко принималъ къ сердцу разнообразныя теченія нашей жизни, онъ видѣлъ, что теченія насъ уносятъ, но куда—онъ не зналъ, не предвидѣлъ, или предчувствовалъ дурное. Отсюда его душевная тоска. Идеи, которыя ему были дороги, рушились на его глазахъ, а другихъ въ замѣнъ онъ не видѣлъ; онъ мучился сознаниемъ неизвѣстности; ему страшно вспомнить, какъ разбились его надежды,— „Не оглядывайся назадъ, не вспоминай, не стремись туда, гдѣ свѣтло, гдѣ смѣется молодость, гдѣ надежда вѣнчается цвѣтами весны, гдѣ голубка радость бьетъ лазурными крылами, гдѣ любовь, какъ роса на зарѣ, сіяетъ слезами восторга; не смотри туда, гдѣ блаженство, и вѣра, и сила—тамъ не наше мѣсто!“ Но онъ боится заглянуть и въ будущее: „Но будь остороженъ... не гляди впередъ, бѣдный старикъ!“ А глядѣть впередъ все-же не отказывается поэтъ,—и надежда увидѣть счастливую жизнь не покидаетъ его, хотя не очень онъ довѣряетъ ей, „Помните, я спрашивалъ у васъ тогда, будутъ-ли у насъ люди? и вы мнѣ отвѣчали: „будутъ“... и вотъ теперь, я, отсюда,

изъ моего „прекраснаго далека“ снова васъ спрашиваю: ну что-же, Уваръ Ивановичъ, будутъ?.....

Женщины счастливѣе. Будущность у нихъ великая. За ними и сила характера, ведущая смѣло впередъ, и ясность чистой мысли, указывающей идеаль, и здоровая энергія, поддерживающая бодрость духа. Одна отдается мысли страстно, безповоротно, во что бы ни стало, не разбирая, опасно-ли осуществленіе ея, или нѣтъ—и мысль осуществляется. Другая строга и, чувствуя сильно, обладаетъ сдержанностью; цѣль впереди обозначена, и къ ней она идетъ, хотя достиженіе покупается цѣною мучительныхъ страданій. Третья встрѣтилась съ несчастьемъ лицомъ къ лицу, сердце разбито,—но она вынослива и молчаливо несетъ свой крестъ.

Очарованія женщины—не лишена ни одна. Всѣ онѣ любятъ, и любятъ безъ мѣры, и не могутъ не любить, хотя пришлось бы поплатиться жизнью. Одна ослѣплена неожиданнымъ видѣніемъ счастья, и она прислушивается къ чудной мелодіи любви, которая звучитъ въ ея сердцѣ. Другая объята чувствомъ до того, что слова ей перестаютъ повиноваться, и она говоритъ, чего не хотѣла бы сказать, въ чемъ за минуту она никогда не созналась бы. Въ третьей—неотразимое вторженіе любви преобразуетъ характеръ, и переполненная душа, сама того не подозрѣвая, прибѣгаетъ къ изліяніямъ.

Всѣ женщины Тургенева мужественны, по природѣ своей на перекоръ они не идутъ.

Къ природѣ Тургеневъ питаетъ страстную любовь. Онъ подслушалъ ее и изучилъ ее глубоко. Не удивительно: онъ жилъ съ природою раннимъ утромъ до зари, и глубокою позднею ночью; онъ видѣлъ ее въ знойный день и въ теплый вечеръ; онъ встрѣчался и съ бурей и ненастьемъ; по цѣлымъ днямъ онъ выслѣживалъ образованіе тучъ и переливы свѣта; онъ прислушивался къ шуму воды и къ шелесту листьевъ; онъ внималъ пѣнію птицъ и чуялъ движеніе воздуха. Въ изображеніяхъ явленій природы Тургеневъ неподражаемъ, и въ европейскій литературѣ онъ не имѣетъ соперниковъ... Нигдѣ нѣтъ искусственности, натянутости, дѣланности; онъ изображаетъ, что видѣлъ, что ощущалъ и чувствовалъ на самомъ дѣлѣ, а потому, все, что выходило изъ подъ его пера, выливалось легко и свободно. Никто не можетъ сравняться съ нимъ въ рисованіи картинъ природы. — Картины всегда являются въ томъ свѣтѣ, который освѣщаетъ ихъ съ самой рельефной стороны. Онъ писалъ съ натуры, но свѣтъ, который онъ бросалъ на свои картины, дѣлалъ ихъ идеальными. Языкъ его при этомъ замѣчательнъ и дивенъ; — гибокъ какъ звуки, и описанія его — музыка: всѣ ея переливы, всѣ изгибы. Поэтъ настраиваетъ читателя по своему желанію, и невольно проникаешься чувствомъ, жившимъ въ душѣ поэта. И съ какимъ тонкимъ расчетомъ вводитъ онъ природу въ общее дѣйствіе. То ею начинается

дѣйствіе, то ею заканчивается — и всегда въ соотвѣтствіи съ нимъ; то сама природа играетъ первостепенную роль — и каждый разъ съ одинаковымъ эффектомъ, безъ претензіи, съ одинаковою прелестью, безъ прикрасъ. Какъ, напримѣръ, гармонируетъ картина мрачнаго глухаго лѣса, въ бурную пору, съ рассказомъ о мрачномъ бирюкѣ, словно изъ земли выросшемъ, а бѣдная обстановка его убогаго жилища съ изображеніемъ дождя, который хлещетъ въ окно — и при этой обстановкѣ угрюмый бирюкъ рассказываетъ съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ жестокой улыбкой о томъ, какъ сбѣжала жена. Въ какомъ соотвѣтствіи, напр. съ другой стороны, стоитъ палящій знойный день, томительно изнуряющій, съ изображеніемъ несчастнаго Власа, оборваннаго, голоднаго и изможденнаго, приблудшаго изъ далека, чтобы вымолить уменьшеніе оброка. „Въ началѣ августа жары стоятъ нестерпимые... Мы сидѣли въ тѣни; но и въ тѣни было душно. Тяжелый, знойный воздухъ словно замеръ, горячее лицо съ тоской искало вѣтра, да вѣтра-то не было. Солнце такъ и било съ синяго, потемнѣвшаго неба; прямо передъ нами, на другомъ берегу, желтѣло овсяное поле, кой-гдѣ проросшее полынью, и хоть-бы одинъ колосъ пошевелился. Не много пониже, крестьянская лошадь стояла въ рѣкѣ по колѣни и лѣниво обмахивалась мокрымъ хвостомъ; изрѣдка подъ нависшимъ кустомъ всплывала большая рыба, пускала пузыри и тихо погружилась на дно, оставивъ за собою легкую зыбь. Кузнечики трещали въ порожѣлой

травѣ; перенела кричали какъ-бы нехотя; ястреба плавно носились надъ полями и часто останавливались на мѣстѣ, быстро махая крылами и распутивъ хвостъ вѣеромъ. Мы сидѣли неподвижно, подавленные жаромъ“. Плачешь съ мужикомъ, который рассказывалъ, какъ его баринъ прогналъ, а „мужикъ рассказывалъ намъ все это съ насмѣшкой, словно о другомъ рѣчь шла; но на маленькіе и съжатые его глазки, наверхывалась слезинка, губы его поддегивало. „Что же ты теперь домой идешь?“ спрашиваютъ его.

— А то куда, извѣстно домой. Жена, чай, теперь съ голоду въ кулакъ свистить.

— А къ прикащику пойдешь?

— Зачѣмъ я къ нему пойду... да мнѣ съ подугоря, взять-то съ меня нечего... Ужъ братъ, какъ ты тамъ не хитри,—шалишь; безотвѣтная моя голова! (мужикъ разсмѣялся). Ужъ онъ тамъ какъ-ни мудри,—а ужъ...

Онъ опять засмѣялся.

— Что же это плохо, братъ Власъ.

А чѣмъ плохо? Нѣ... (у Власа голосъ прервался). Эка жара стоитъ продолжалъ онъ, утирая лицо рукавомъ.

А какая картина можетъ быть болѣе подходящая къ той обстановкѣ, какая рисуется въ „Свиданіи“ въ тотъ моментъ, когда наглый Викторъ Александровичъ высвобождается изъ объятій несчастной обманутой? То осень,—холодно, какъ въ душѣ соблазнителя, и печально и скорбно, какъ въ наболѣвшей душѣ покинутой крестьянки. „Вне-

занная, надрывающія грудь рыданья не дали ей докончить рѣчь—она повалилась лицомъ на траву и горько, горько заплакала... Все ея тѣло судорожно волновалось, затылокъ такъ и поднимался у ней... Долго сдержанное горе хлынуло наконецъ потокомъ. Викторъ постоялъ надъ ней, постоялъ, пожалъ плечами, повернулся и ушелъ большими шагами“ ... И тогда—

... „Солнце стояло уже низко на блѣдно-ясномъ небѣ, лучи его тоже какъ будто поблекли и похолодѣли: они не сіяли, они разливались ровнымъ, почти водянистымъ свѣтомъ. До вечера оставалось не болѣе получаса, а заря едва-едва зажигалась. Порывистый вѣтеръ быстро мчался мнѣ навстрѣчу черезъ желтое, высохшее жнивье; торопливо вздымаясь передъ нимъ, стремились мимо, черезъ дорогу, вдоль опушки, маленькіе, покоробленные листья; сторона рощи, обращенная стѣною въ поле, вся дрожала и сверкала мелкимъ сверканьемъ, четко, но не ярко; на красноватой травѣ, на былинкахъ, на соломенкахъ, всюду блестѣли и волновались безчисленныя нити осеннихъ паутинъ. Я остановился... Мнѣ стало грустно; сквозь невеселую, хотя свѣжую улыбку увядающей природы, казалось, прокрадывался унылый страхъ недалекой зимы. Высоко надо мной, тяжело и рѣзко разсѣкая воздухъ крылами, пролетѣлъ осторожный воронъ, повернулъ голову, посмотрѣлъ на меня съ боку, взмылъ и, отрывисто каркая, скрылся за лѣсомъ; большое стадо голубей рѣзко пронеслось съ гумна и, внезапно

закружившись столбомъ, хлопотливо разсѣлось по полю—
признакъ осени“!

Необыкновенно рельефно обнаруживается вліяніе природы на человѣка; характерно изображаются поэтическія возрѣнія простого человѣка на природу. Напр. въ „Бѣжиномъ лугѣ“. Вспомнимъ маленькаго трусливаго Ильюшу и его рассказы о вѣдьмахъ; задумчиваго и серьезнаго Костю, сообщающаго, что случилось съ Гаврилой, которому натворила бѣду русалка; затѣмъ исторію о привидѣніяхъ, о лѣшемъ, о душахъ, о мертвецахъ,... „и вдругъ въ отдаленіи раздался протяжный, звенящій, почти стелющій звукъ, одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ ночныхъ звуковъ, которые возникаютъ иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоятъ въ воздухѣ и медленно разносятся наконецъ, какъ бы замирая. Прислушаешься—и какъ будто нѣтъ ничего, а звенить. Казалось, кто-то долго, долго прокричалъ подъ самымъ небосклономъ, кто-то другой какъ будто отозвался ему въ лѣсу тонкимъ, острымъ хохотомъ,—и слабый, шипящій свистъ промчался по рѣкѣ. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

— Съ нами крестная сила...

Дѣти дрожатъ со страха, а упиваются рассказами и отдаются ему безраздѣльно.—

Художественно въ высокой степени изображается грозное и разрушительное дѣйствіе силъ природы—безсильный

человѣкъ испытываетъ эту силу и страшно ему при мысли о ней.

Ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, изображавшіе пышную природу Кавказа, не имѣли средствъ для подобнаго изображенія, — и повсюду естественность и простота. —

Тургеневъ изучилъ хорошо и міръ животныхъ — словно въ разговоры съ нимъ вступалъ и узнавалъ тайные помыслы. Конь Чертопханова — просто психологическій очеркъ въ полномъ смыслѣ слова. Сравненіе двухъ коней — необыкновенно тонкій анализъ мельчайшихъ, неуловимыхъ для обычнаго глаза подробностей. Образъ собаки Валетки — это прелестный психологическій этюдъ. —

Но вѣнецъ всего — это русскій языкъ поэта. Чтобы ни говорили — такимъ языкомъ писать не умѣлъ никто. Это верхъ совершенства! Нѣтъ языка болѣе точнаго и болѣе плавнаго. Изъ за каждой фразы видна картина, поза, жестъ, взглядъ лица, и все это въ какую нибудь секунду. Въ его языкѣ слышится то раскаты грознаго голоса, то судорожно искривленные черты, сверкающія глаза, поблѣднѣвшія лица; чувствуется присутствіе гнѣва, рѣшимости, безуспѣшнаго горя, мучительныхъ страданій; испытывается восторгъ любви, блаженство чувства. По музыкальности своей Тургеневскій языкъ не знаетъ равнаго, — и стихотворная форма — ничто въ сравненіи съ прозою Тургенева. Для Тургенева не существуетъ трудностей, для него нѣтъ препятствій для выраженія того, что сказать хотѣлъ. Выраженія повсюда самыя

подходящія, исчерпывающія весь смысл того, что сказано. Языкъ подъ перомъ Тургенева—это инструментъ въ рукахъ величайшаго виртуоза, извлекающаго какія угодно звуки, и поэтъ по прихоти своей властвуетъ надъ читателемъ; онъ ведетъ читателя какъ хочетъ и куда хочетъ; языкъ его—это пѣсня, и ея звуки вливаются въ душу и творятъ чудеса.— И простъ онъ, его языкъ, а благороденъ и величавъ; могучъ и нѣженъ; страшенъ... и дорогъ онъ каждому.

„Лишь одни избранники въ состояніи передать потомству не только содержаніе, но и *форму* своихъ мыслей и возрѣній, свою личность“, говоритъ поэтъ.

Тургеневъ—этотъ избранникъ!

I. Мандельштамъ.

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій
о судьбахъ моей родины, — ты одинъ мнѣ под-
держка и опора, о, великій, могучій, правдивый
и свободный русскій языкъ!

Стихотворенія въ прозѣ.

Нѣтъ ничего на свѣтѣ сильнѣе... и безсильнѣе
слова.

Вешнія воды.

* *
*

Мысль одарена особенной силой; она сквозитъ
и свѣтится даже при недостаточномъ исполненіи,
особенно когда человѣкъ безкорыстно, до само-
пожертвованія служилъ ей.

Поздка въ Альбано.

* *
* .

.... человѣкъ имѣетъ право стоять на своихъ
ногахъ даже передъ полубогомъ.

Гамлетъ и Донъ-Кихотъ.

* *
*

Не должно забывать, что не счастье, а достоинство человеческое—главная цѣль въ жизни.

Переписка.

* *
*

Одно убѣжденіе вынесъ я изъ опыта послѣднихъ годовъ: жизнь не шутка и не забава, жизнь даже не наслажденіе... жизнь—тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное—вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка; не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы онѣ возвышенны ни были, — исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку; не наложивъ на себя цѣпей, желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща; а въ молодости мы думаемъ: чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ дальше уйдешь. Молодости позволительно такъ думать; но стыдно тѣшиться обманомъ, когда суровое лицо истины глянуло наконецъ тебѣ въ глаза.

Фаустъ.

* *
*

Наша жизнь не отъ насъ зависитъ; но у насъ у всѣхъ есть одинъ якорь, съ котораго, если самъ не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга.

Яковъ Пасынковъ.

* *
*

Въ отрицаніи, какъ въ огнѣ, есть истребляющая сила — и какъ удержать эту силу въ границахъ, какъ указывать ей, гдѣ ей именно остановиться, когда то, что она должна истребить, и то, что ей слѣдуетъ пощадить, часто слито и связано неразрывно?

Гамлетъ и Донъ-Кихотъ.

* *
*

Въ отрицаніи полномъ и всеобщемъ — нѣтъ благодати. Отрицайте все, и вы легко можете прослыть за умницу: это уловка извѣстная. Добродушные люди сейчасъ готовы заключить, что вы стоите выше того, что отрицаете; а это часто неправда. Во первыхъ, во всемъ можно сыскать пятна, а во вторыхъ, если даже вы и дѣло говорите, вамъ же хуже; вашъ умъ, направленный на одно отрицаніе, бѣднѣетъ, сохнетъ. Удовлетворяя ваше самолюбіе, вы лишитесь истинныхъ наслажденій созерцанія, жизнь—сущность жизни ускользаетъ отъ вашего мелкаго и желчнаго наблюденія, и вы кончите тѣмъ, что будете лаяться и смѣшивать. Порицать, бранить имѣетъ право только тотъ, кто любитъ.

Рудинъ.

* *
*

О, Гамлетъ, Гамлетъ, датскій принцъ, какъ выдти изъ твоей тѣни? Какъ перестать подражать тебѣ во всемъ, даже въ позорномъ наслажденіи самобичеванія?

Новъ.

* *
*

Себялюбіе — самоубійство. Себялюбивый чело-
вѣкъ засыхаетъ словно одинокое, бесплодное дерево;
но самолюбіе, какъ дѣятельное стремленіе къ со-
вершенству, есть источникъ всего великаго...

Рудинъ.

* *
*

Несчастіе людей одинокихъ и робкихъ — отъ
самолюбія робкихъ — состоитъ именно въ томъ,
что они, имѣя глаза и даже растарачивъ ихъ,
ничего не видятъ, или видятъ все въ ложномъ
свѣтѣ, словно сквозь окрашенные очки.

Дневникъ лишняго человека.

* *
*

Мы смѣемся надъ Донъ-Кихотомъ... но кто
изъ насъ можетъ, добросовѣстно спросивъ се-
бя, свои прошедшія, свои настоящія убѣжде-
нія, кто рѣшится утверждать, что онъ всегда и
во всякомъ случаѣ различитъ и различалъ цирюль-
ничій оловянный тазъ отъ волшебнаго золотаго

шлема?.. Потому намъ кажется, что главное дѣло въ искренности и силѣ самаго убѣжденія... а результатъ — въ рукѣ судьбы. Онѣ однѣ могутъ показать намъ, съ призраками ли мы боролись, съ дѣйствительными ли врагами, и какимъ оружіемъ покрыли мы наши головы...

Гамлетъ и Донъ-Кихотъ.

* *
*

Слабые люди никогда сами не кончаютъ—все ждутъ конца.

Вешнія воды.

* *
*

Слово „завтра“ придумано для людей нерѣшительныхъ и для дѣтей;

Андрей Колосовъ.

* *
*

Никто такъ легко не увлекается, какъ безстрастные люди.

Рудинъ.

* *
*

Утѣшая другихъ, люди большею частью желаютъ поскорѣй отдѣлаться отъ непріятнаго чувства невольнаго, себялюбиваго сожалѣнья... Я понимаю

искреннее, теплое участіе... но подобное участіе не отъ всякаго принимаешь...

Переписка.

* *
*

Мнѣ сдается, что если бы вновь родился Шекспиръ, ему не изъ чего было бы отказаться отъ своего Гамлета, отъ своего Лира. Его про- ницательный взоръ не открылъ бы ничего новаго въ человѣческомъ быту: все таже пестрая и въ сущности несложная картина развернулась бы передъ нимъ въ своемъ тревожномъ однообразіи.

Тоже легковѣріе и таже жестокость, таже по- требность крови, золота, грязи, тѣже пошляя удовольствія, тѣже безсмысленныя страданія... тѣже ухватки власти, тѣже привычки рабства... Шек- спиръ опять заставилъ бы Лира повторить свое жестокое: „нѣтъ виноватыхъ“, что другими сло- вами значить: „нѣтъ и правыхъ“.

Довольно.

* *
*

Мечты людскіе несбычивы, а сожалѣнія без- плодны. Кому не вынулся хорошій номеръ— щеголяй съ пустымъ, да и не сказывай никому.

Воспоминанія о Бѣлинскомъ.

* *
*

У счастья нѣтъ завтрашняго дня; у него нѣтъ и вчерашняго; оно не помнитъ прошедшаго, не думаетъ о будущемъ; у него есть настоящее, — и то не день — а мгновенье.

Ася.

* *
*
.

Пока человѣкъ живетъ, онъ не чувствуетъ своей собственной жизни: она какъ звукъ, становится ему внатною, спустя нѣсколько времени.

Дневникъ лишняго человека.

* *
*
.

Что за охота мечтать о самомъ себѣ, о своемъ счастьи? О немъ думать нечего; оно не приходитъ — что за нимъ гоняться! Оно какъ здоровье; когда его не замѣчаешь, значить, оно есть.

Фаустъ.

* *
*
.

Не всегда благотворны бываютъ слезы. Отрадны и цѣлебны онѣ, когда, долго накипѣвъ на груди, потекутъ онѣ наконецъ — сперва съ усилиемъ, потомъ все легче, все слаще; нѣмое томленіе тоски разрѣшается ими... Но есть слезы холодныя, скупю лющіяся слезы: ихъ по каплѣ выдавливаютъ изъ сердца тяжелымъ и недвижнымъ бременемъ на-

легшее на него горе; онѣ безотрадны и не приносятъ облегченія. Нужда плачетъ такими слезами, и тотъ еще не былъ несчастливъ, кто не проливалъ ихъ.

Рудинъ.

* *
*

Какъ тяжело стыдиться слезъ своихъ, скрывать ихъ!.. Одной молодости позволительно плакать; слезы идутъ къ ней одной...

Фаустъ.

* *
*

Первыя страданія, какъ первая любовь, не повторяются,—и слава Богу.

Фаустъ.

* *
*

Чувствительныя изліянія — словно солодковый корень: сперва пососешь—какъ будто недурно, а потомъ очень скверно станетъ во рту.

Дневникъ лишняго человека.

* *
*

Да, хорошо, хорошо отдѣлаться наконецъ отъ томящаго сознанія жизни, отъ неотвязнаго и безпокойнаго чувства существованія!

Дневникъ лишняго человека.

* *
*

Все пройдетъ, все исчезнетъ, высочайшій санъ,
власть, всеобъемлющій геній, все разсыплется пра-
хомъ...

Все великое земное
Разлѣтается какъ дымъ...

но добрыя дѣла не разлетятся дымомъ, онѣ
долговѣчнѣе самой сіяющей красоты; «все ми-
нется, сказалъ апостоль, одна любовь останется».

Гамлетъ и Донъ-Кихотъ.

* *
*

Бѣлинскій любилъ Россію; но онъ также пламенно любилъ просвѣщеніе и свободу: соединить въ одно эти высшіе для него интересы — вотъ въ чемъ состоялъ весь смыслъ его дѣятельности, вотъ къ чему онъ стремился.

Воспоминанія о Бѣлинскомъ.

* *
*

Онъ сушь и всѣхъ насъ въ порошокъ стереть можетъ. Онъ съ своею землею связанъ, — не то что наши пустые сосуды, которые ластятся къ народу: влейся моль въ насъ, живая вода.

Наканунъ.

* *
*

Неужели же мы такъ мало самобытны, такъ слабы, что должны бояться всякаго посторонняго

вліянія и съ дѣтскимъ ужасомъ отмахиваться отъ него, какъ-бы онъ насъ не испортилъ? Я этого не полагаю: я полагаю напротивъ, что насъ хоть въ семи водахъ мой—нашей, русской, сути изъ насъ не вывести. Да и что бы мы были, въ противномъ случаѣ, за плохенькій народецъ! Я сужу по собственному опыту: преданность моя началамъ, выработаннымъ западною жизнью—не помѣшала мнѣ живо чувствовать и ревниво оберегать чистоту русской рѣчи.

Предисловіе.

* *
*

Шекспиръ беретъ свои образы отовсюду — съ неба, съ земли—нѣтъ ему запрету; ничто не можетъ избѣгнуть его всепроникающаго взора; онъ исторгаетъ ихъ съ неотразимой силой, съ силой орла, падающаго на свою добычу.

Гамлетъ и Донъ-Кихотъ.

* *
*

Проклятая славянская распущенность беретъ свое. Пока мечтаешь о работѣ, такъ и паришь орломъ: землю, кажется, сдвинулъ бы съ мѣста — а въ исполненіи тотчасъ ослабѣешь и устанешь.

Ася.

* *
*

Любовь! — въ ней все тайна: какъ она приходитъ, какъ развивается, какъ исчезаетъ. То является она вдругъ, несомнѣнная, радостная, какъ день, то долго тлѣетъ, какъ огонь подъ золой, и пробивается пламенемъ въ душѣ, когда уже все разрушено; то вползетъ она въ сердце, какъ змѣя, то вдругъ выскользнетъ изъ него вонъ...

Рудинъ.

* *
*

Любовь даже вовсе не чувство, она — болѣзнь, извѣстное состояніе души и тѣла; она не развивается постепенно, въ ней нельзя сомнѣваться, съ ней нельзя хитрить, хотя она проявляется не всегда одинаково; обыкновенно она овладѣваетъ человѣкомъ безъ спроса, внезапно, противъ его воли — ни дать ни взять холера или лихорадка...

Переписка.

* *
*

Развѣ любовь — естественное чувство? Развѣ
человѣку свойственно любить? Любовь — болѣзнь,
а для болѣзни законъ не писанъ.

Дневникъ лишняго человека.

* *
*

Въ любви нѣтъ равенства, нѣтъ такъ назы-
ваемого свободнаго соединенія душъ и прочихъ
идеальностей, придуманныхъ на досугѣ нѣмецки-
ми прѣфессорами... Нѣтъ, въ любви одно лицо—
рабъ, а другое—властелинъ, и не даромъ толку-
ють поэты о цѣпяхъ, налагаемыхъ любовью. Да,
любовь—цѣпь, и самая тяжелая.

Переписка.

* *
*

Или любовь боится совершенства, возможнаго
на землѣ совершенства, какъ чего-то чуждаго и
страшнаго для нея?

Яковъ Пасынковъ.

* *
*

Первая любовь—та же революція: однообразно-
правильный строй сложившейся жизни разбить и
разрушенъ въ одно мгновеніе; молодость стоитъ
на баррикадѣ, высоко вьется ея яркое знамя—и

что бы тамъ впереди ея ни ждало — смерть или новая жизнь — всему она шлетъ свой восторженный привѣтъ.

Вешнія воды.

* * *

Человѣкъ, который разстается съ женщиной, нѣкогда любимой въ тотъ горькій и великій мигъ, когда онъ невольно сознаетъ, что его сердце не все, не вполне проникнуто ею, этотъ человѣкъ, повѣрьте мнѣ, лучше и глубже понимаетъ святость любви, чѣмъ тѣ малодушные люди, которые отъ скуки, отъ слабости продолжаютъ играть на полупорванныхъ струнахъ своихъ вялыхъ и чувствительныхъ сердецъ.

Андрей Колосовъ.

* * *

Я находился тогда въ самомъ разгарѣ первой любви, въ томъ состояніи страстнаго и внимательнаго обожанія, когда вся ваша душа невинно и невольно слѣдитъ за каждымъ движеніемъ любимаго существа, когда вы не можете насытиться его присутствіемъ, наслушаться его голоса, когда вы улыбаетесь и смотрите выздоровѣвшимъ ребенкомъ, и нѣсколько опытный человѣкъ на сто ша-

говъ съ перваго взгляда долженъ узнать, что съ вами происходитъ.

Дневникъ лишняго человека.

* *
*

Тотъ узелъ, который внезапно связываетъ два живыхъ существа, уже захватилъ его. — Онъ вспомнилъ веревку, которая летитъ на набережную съ парохода, когда тотъ собирается причалить... Вотъ уже она обвилась около столба — и пароходъ остановился...

Новь.

* *
*

Помнится, въ то время, образъ женщины, призракъ женской любви, почти никогда не возникалъ опредѣленными очертаніями въ моемъ умѣ; но во всемъ, что я думалъ, во всемъ, что я ощущалъ, таилось полусознанье, стыдливое предчувствіе чего-то новаго, несказанно-сладкаго, женскаго. — Это предчувствіе, это ожиданіе проникло весь мой составъ; я дышалъ имъ, оно катилось по моимъ жиламъ въ каждой каплѣ крови...

Первая любовь.

* *
*

Я стою, и жду, и гляжу — я дивлюсь и умиляюсь;

все, что я вижу мнѣ кажется необыкновенно новымъ, все обвѣяно какой-то свѣтлой ласковой таинственностью—и уже чудится мнѣ быстрый шелестъ шаговъ—и стою я весь напряженный и легкій, какъ птица, только-что сложившая крылья и готовая взвиться вновь — и сердце горитъ и трепещетъ веселымъ страхомъ передъ близкимъ, передъ налетающимъ счастьемъ.

Довольно.

* *
*

Я глядѣлъ на нее, всю облитую яснымъ солнечнымъ лучомъ, всю успокоенную и кроткую. Все радостно сіяло вокругъ насъ, внизу, надъ нами—небо, земля и воды; самый воздухъ, казалось, былъ насыщенъ блескомъ.

Ася.

* *
*

Я вѣчно буду помнить это пожирающее вниманіе, эту нѣжную веселость, это невинное самозабвеніе, этотъ взглядъ еще дѣтскій и уже женскій, эту счастливую, словно расцвѣтающую улыбку, не покидавшую полураскрытыхъ губъ и зардѣвшихъ щекъ...

Дневникъ лишняго чловѣка.

* *
*

Она выпрямилась и какъ будто оробѣла; ея внимательный взоръ задрожалъ, зажегся ожиданьемъ. Сквозь чащу быстро замелькала фигура мужчины. Она вглядѣлась, вспыхнула вдругъ, радостно и счастливо улыбнулась, хотѣла было встать и тотчасъ опять поникла вся, поблѣднѣла, смутилась — и только тогда подняла трепещущій, почти молящій взглядъ на пришедшаго человѣка, когда тотъ остановился рядомъ съ ней.

Свиданіе.

* *
*

.... Долго не могъ я заснуть: моя молодость пришла и стала передо мною, какъ призракъ; огнемъ, отравой побѣжала она по жиламъ, сердце расширилось и не хотѣло сжаться, что-то рвануло по его струнамъ, и закипѣли желанія....

Фаустъ.

* *
*

У насъ тихо и свѣтло, и тепло, и привѣтно; что-то забавное, что-то дѣтски — невинное, бабочкой, не правда-ли? — порхаетъ вокругъ. Мы приютились другъ къ дружкѣ, мы прислонились другъ къ дружкѣ головами и оба читаемъ хорошую книгу; я чувствую какъ бьется тонкая жилка въ твоемъ нѣжномъ вискѣ; я слышу какъ ты живешь; ты

слышишь, какъ я живу; твоя улыбка рождается у меня на лицѣ прежде, чѣмъ у тебя; ты отвѣчаешь безмолвно на мой безмолвный вопросъ; твои мысли, мои мысли, — какъ оба крыла одной и той же въ лазури потонувшей птицы — послѣднія преграды пали — и такъ успокоилась, такъ углубилась наша любовь, такъ безслѣдно исчезло всякое разъединеніе, что намъ даже не хочется мѣняться словомъ, взглядомъ..... Только дышать, дышать вмѣстѣ хочется намъ, жить вмѣстѣ, быть вмѣстѣ.... и даже не сознавать того, что мы вмѣстѣ.

Довольно.

* *
*

Помните-ли вы наши безмолвныя вечернія прогулки вдоль ограды вашего сада, послѣ какого-нибудь долгаго, теплаго, живаго разговора? Помните ли вы тѣ благодатныя мгновенія? Природа ласково и величаво принимала насъ въ свое лоно. Мы входили, замирая, въ какія-то блаженныя волны. Кругомъ вечерняя заря разгаралась внезапнымъ и нѣжнымъ багрянцемъ; отъ заалѣвшагося неба, отъ просвѣтленной земли, отовсюду, казалось, вѣяло огнистымъ и свѣжимъ дыханьемъ молодости, радостнымъ торжествомъ какого-то бессмертнаго счастья; заря плыла, подобно ей, тихо,

и страстно пылали восторженные наши сердца, и мелкіе листья молодыхъ деревьевъ чутко и смутно дрожали надъ ними, какъ-будто отвѣчая внутреннему трепету неясныхъ чувствъ и ожиданій въ насъ. Помните вы эту чистоту, эту доброту и до-вѣрчивость помысловъ, это умиленіе благородныхъ надеждъ, это молчаніе полноты?

Переписка.

* *
*

Она медленно подняла на меня свои глаза.... О, взглядъ женщины, которая любила, — кто тебя опишетъ? Они молили, эти глаза, они до-вѣрялись, вопрошали, отдавались.... Я не могъ противиться ихъ обаянію. Тонкій огонь пробѣжалъ по мнѣ жгучими иглами; я нагнулся и приникъ къ ея рукѣ....

Послышался трепетный звукъ, похожій на прерывистый вздохъ, и я почувствовалъ на моихъ волосахъ прикосновеніе слабой, какъ листъ дрожавшей руки. Я поднялъ голову и увидалъ ея лицо. Какъ оно вдругъ преобразилось! Выраженіе страха исчезло съ него, взоръ ушелъ куда-то далеко и увлекалъ меня за собою, губы слегка раскрылись, лобъ поблѣднѣлъ какъ мраморъ и кудри отодвинулись назадъ, какъ будто вѣтеръ ихъ откинулъ.

Я забылъ все, я потянулъ ее къ себѣ — покорно повиновалась ея рука, все ея тѣло повлеклось вслѣдъ за рукою, шаль покатила съ плечъ, и голова ея тихо легла на мою грудь, легла подъ мои загорѣвшіяся губы....

— Ваша.... прошептала она, едва слышно.

Ася.

* *
*

Уже не досада меня грызла, — тайный страхъ терзалъ меня, и не одинъ страхъ я чувствовалъ.... нѣтъ, я чувствовалъ раскаяніе, сожалѣніе самое жгучее, любовь — да! самую нѣжную любовь. Я ломалъ руки, я звалъ ее посреди надвигавшейся ночной тьмы, сперва въ полъ-голоса, потомъ все громче и громче; я повторялъ сто разъ, что я ее люблю, я клялся никогда съ ней не разставаться; я бы далъ все на свѣтѣ, чтобы опять держать ея холодную руку, опять слышать ея тихій голосъ, опять видѣть ее передъ собою.... Она была такъ близка, она пришла ко мнѣ съ полной рѣшимостью, въ полной невинности сердца и чувствъ, она принесла мнѣ свою нетронутую молодость.... и я не прижалъ ее къ своей груди, я лишилъ себя блаженства увидать, какъ ея милое лицо разцвѣло бы

радостью и тишиною восторга... Эта мысль меня съ ума сводила.

Ася.

* *
*

Глядя кругомъ, слушая, вспоминая, я вдругъ почувствовалъ тайное безпокойство на сердцѣ... поднялъ глаза къ небу — но и въ небѣ не было покоя; испещренное звѣздами, оно все шевелилось, двигалось, содрогалось; я склонился къ рѣкѣ... но и тамъ, и въ этой темной, холодной глубинѣ, тоже колыхались, дрожали звѣзды; тревожное оживленіе мнѣ чудилось повсюду — и тревога росла во мнѣ самомъ. Я облокотился на край лодки!... Шопоть вѣтра въ моихъ ушахъ, тихое журчанье воды за кормою меня раздражали, и свѣжее дыханье волны не охлаждало меня, соловей запѣлъ на берегу, и заразилъ меня сладкимъ ядомъ своихъ звуковъ. Слезы закипали у меня на глазахъ, но то не были слезы безпредметнаго восторга. Что я чувствовалъ, было не то смутное, еще недавно испытанное ощущеніе всеобъемлющихъ желаній, когда душа ширится, звучить, когда ей кажется, что она все понимаетъ и все любитъ... Нѣтъ! во мнѣ зажглась жажда счастья. Я еще не смѣлъ назвать по имени, — но счастья, счастья до пресыще-

нія — вотъ чего хотѣлъ я, вотъ о чемъ томился....

Ася.

* *
*

Я возвращался съ охоты и шель по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня. Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ бы зачюявъ передъ собою дичь.

Я глянулъ вдоль аллеи и увидалъ молодого воробья съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, безпомощно растопыривъ едва пророставшія крылышки.

Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой—и весь взъерошенный, искаженный, съ отчаяннымъ и жалкимъ пискомъ прыгнулъ раза два въ направленіи зубастой, раскрытой пасти.

Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище.... но все его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою!

Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была

ему казаться собака! И все-таки онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ.... Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезоръ остановился, попятился... Видно, и онъ призналъ эту силу.

Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса и удалился, благоговѣя.

Да; не смѣйтесь. Я благоговѣлъ передъ той маленькой, героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ.

Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти. — Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

Стихотворенія въ прозѣ.

Повѣрьте, женщина не только способна понять самопожертвованіе; она сама умѣетъ пожертвовать собою.

Рудинъ.

* *
*

Ты какъ ледъ; пока не растаешь, крѣпка, какъ камень, а растаешь, и слѣда отъ тебя не останется..... Меня съ перваго раза поразило въ ней удивительное спокойствіе всѣхъ ея движеній и рѣчей. Она, казалось, ни о чемъ не хлопотала, не тревожилась, отвѣчала просто и умно, слушала внимательно. Выраженіе ея лица было искреннее и правдиво какъ у ребенка, но нѣсколько холодно и однообразно, хотя и не задумчиво. Веселою она бывала рѣдко и не такъ, какъ другія: ясность невинной души, отраднѣе веселости, свѣтилась во всемъ ея существѣ. Она была небольшого роста,

очень хорошо сложена, немного тонка, черты имѣла правильныя и нѣжныя, прекрасный ровный лобъ, золотисто-русые волосы, носъ прямой, какъ у матери, довольно полныя губы; сѣрые съ чернотой глаза глядѣли какъ-то слишкомъ прямо изъ-подъ пушистыхъ, кверху рѣсницъ..... Удивительное созданіе! Проницательность мгновенная рядомъ съ неопытностью ребенка, ясный, здравый смыслъ и врожденное чувство красоты, постоянное стремленіе къ правдѣ, къ высокому, и пониманіе всего, даже порочнаго, даже смѣшнаго — и надо всѣмъ этимъ, какъ бѣлыя крылья ангела, тихая женская прелесть.... Въ восторгъ она ни отъ чего не приходитъ: все шумное ей чуждо; она тихо свѣтится вся, когда ей что нравится, и лицо принимаетъ такое благородное и доброе.... именно доброе выраженіе. Съ самаго ранняго дѣтства она не знала, что такое ложь: она привыкла къ правдѣ, она дышетъ ею, а потому и въ поэзіи одна правда кажется ей естественной, она тотчасъ, безъ труда и напряженія, узнаетъ ее, какъ знакомое лицо... великое преимущество и счастье!

Фаустъ.

* *
*

Это была дѣвушка лѣтъ девятнадцати, высокая,

нѣсколько широкоплечая, но хорошо сложенная. Лицо смуглое, не то еврейскаго, не то цыганскаго типа, глаза небольшіе, черные, подѣ густыми, почти сросшимися бровями, носъ прямой, слегка вздернутый, тонкія губы съ красивымъ, но рѣзкимъ выгибомъ, громадная черная коса, тяжелая даже на видѣ, низкій, неподвижный, точно каменный лобъ, крошечныя уши.... все лицо задумчивое, почти суровое. Натура страстная, своевольная, — и едва-ли добрая, едва ли очень умная—но даровитая—сказывалась во всемъ.

Клара Милитъ.

* *
*

Я не видалъ существа, болѣе подвижнаго. Ни одно мгновеніе она не сидѣла смирно; вставала, убѣгала въ домъ и прибѣгала снова, напѣвала въ полъ-голоса, часто смѣялась, и престраннымъ образомъ: казалось, она смѣялась не тому, что слышала, а разнымъ мыслямъ, приходившимъ ей въ голову. Ея большіе глаза глядѣли прямо, свѣтло, смѣло, но иногда вѣки ея слегка щурились, и тогда взоръ ея внезапно становился глубокомъ и нѣженъ.

Ася.

* *
*

.... То была молодая крестьянская дѣвушка. Она сидѣла въ двадцати шагахъ отъ меня, задумчиво потупивъ голову и уронивъ обѣ руки на колѣни; на одной изъ нихъ, до половины раскрытой, лежалъ густой пучекъ полевыхъ цвѣтовъ, и при каждомъ ея дыханьи тихо скользилъ на клѣтчатую юбку. Чистая бѣлая рубаха, застегнутая у горла и кистей, ложилась короткими, мягкими складками около ея стана; крупныя желтыя бусы въ два ряда спускались съ шеи на грудь. Она была очень не дурна собою. Густые бѣлокурые волосы, прекраснаго пепельнаго цвѣта, расходились двумя, тщательно причесанными полукругами изъ подъ узкой, алой повязки, надвинутой почти на самый лобъ, бѣлый какъ слоновою кость; остальная часть ея лица едва загорѣла тѣмъ золотымъ загаромъ, который принимаетъ одна тонкая кожа. Я не могъ видѣть ея глазъ — она ихъ не поднимала; но я ясно видѣлъ ея тонкія, высокія брови, ея длинныя рѣсницы; онѣ были влажны, и на одной изъ ея щекъ блисталъ на солнцѣ высохшій слѣдъ слезы, остановившейся у самыхъ губъ, слегка поблѣднѣвшихъ. Вся ея головка была очень мила; даже немного толстый и круглый носъ ее не портилъ. Мнѣ особенно нравилось выраженіе ея лица: такъ оно было просто и кротко, такъ

грустно и такъ полно дѣтскаго недоумѣнья передъ собственной грустью.

Свиданіе.

* *
*

И ужь какая чудная эта Матрена была! Бывало, задумается да и сидитъ по часамъ, на полъ глядитъ, бровью не шевельнетъ: и я тоже сижу, да на нее смотрю, да насмотрѣться не могу, словно никогда не видалъ... Она улыбнется, а у меня сердце такъ и дрогнетъ, словно кто пощекотитъ. А то, вдругъ примется смѣяться, шутить, плясать; обниметъ меня такъ жарко, такъ крѣпко, что голова кругомъ пойдетъ. Съ утра до вечера, бывало, только и думаю: чѣмъ бы мнѣ ее порадовать? И вѣрите-ли, вѣдь только для того ее дарилъ, чтобы посмотрѣть, какъ она, душа моя, обрадуется, вся покраснѣетъ отъ радости, какъ станетъ мой подарокъ примѣрять, какъ ко мнѣ въ обновѣ подойдетъ и поцѣлуетъ.

* *
*

Какъ она была хороша! какъ очаровательно несся мнѣ на встрѣчу, среди изумрудной зелени, ея стройный образъ! Мягкія тѣни, нѣжные отблески тихо скользили по ней—по ея длинному,

сѣрому платью, по тонкой, слегка наклоненной шеѣ, по блѣднорозовому лицу, по лоснистымъ чернымъ волосамъ, пышно выбѣгавшимъ изъ подъ низенькой шляпы. Но какъ передать то выраженіе полного, страстнаго, до безмолвія страстнаго блаженства, которымъ дышали ея черты! Голова ея какъ будто склонилась подъ его бременемъ; золотыя, влажныя искорки просвѣчивались въ ея темныхъ глазахъ, и тонкія брови опустились надъ ними. Неопредѣленная, младенческая улыбка — улыбка глубокой радости блуждала на ея губахъ; казалось, избытокъ счастья утомлялъ и какъ бы надломлялъ ее слегка, вотъ какъ распутившійся цвѣтокъ иногда надламываетъ свой стебель; обѣ руки ея безсильно лежали: одна — въ рукѣ ѣхавшаго съ ней мужчины...

Три встрѣчи.

* *
*

Это была дѣвушка высокая, стройная, съ нѣсколько впалую грудью и молодыми узкими плечами, съ рѣдкою въ ея лѣта блѣдно-матовою кожей, чистою и гладкою какъ фарфоръ, съ густыми бѣлокурыми волосами; ихъ темныя пряди оригинально перемежались другими, свѣтлыми. Черты ея лица, изящно, почти изысканно правильныя, не вполне

еще утратили то простодушное выражение, которое свойственно первой молодости; но въ медлительныхъ наклоненіяхъ ея красивой шейки, въ улыбкѣ, не то разсѣянной, не то усталой, сказывалась нервическая барышня, а въ самомъ рисункѣ этихъ чуть улыбающихся, тонкихъ губъ, этого небольшого, орлинаго, нѣсколько сжатаго носа было что-то своевольное и страстное, что-то опасное и для другихъ и для нея. Поразительны, истинно поразительны были ея глаза, изъ-черна сѣрые, съ зеленоватыми отливами, съ поволокой, длинные какъ у египетскихъ божествъ, съ лучистыми рѣсницами и смѣлымъ взмахомъ бровей. Странное выражение было у этихъ глазъ: они какъ будто глядѣли, внимательно и задумчиво глядѣли изъ какой-то невѣдомой глубины и дали.

Дымъ.

* *
*

Она была проникнута той особенной граціей, которая свойственна „милымъ“ эгоистамъ; — въ этой граціи нѣтъ ни поэзіи, ни истинной чувствительности: но есть мягкость, есть симпатія, есть даже нѣжность. Только перечить этимъ прелестнымъ эгоистамъ не слѣдуетъ: они властолюбивы — и не выносятъ чужой самостоятельности. Жен-

щины, подобныя ей, возбуждаютъ и волнуютъ людей неопытныхъ и страстныхъ; сами онѣ любятъ правильность и тишину жизни. Добродѣтель имъ легко дается — онѣ не возмутимы; но постоянное желаніе повелѣвать, привлекать и нравиться придаетъ имъ подвижность и блескъ: воля у нихъ крѣпкая — и самое ихъ обаяніе частью зависитъ отъ этой крѣпкой воли. Трудно устоять человѣку, когда по такому ясному, нетронутому существу забѣгаютъ огоньки какъ-бы невольной, тайной нѣги; онъ такъ и ждетъ, что вотъ—вотъ наступитъ часъ— и ледъ растаетъ; но свѣтлый ледъ только играетъ лучами—и не растаять, и не помутиться ему никогда!

Кокетничать немногаго стоило ей: она очень хорошо знала, что опасности для нея нѣтъ и не можетъ быть. А между тѣмъ — заставить чужіе глаза то померкнуть, то заблестать, чужія щеки разгорѣться желаніемъ и страхомъ, чужой голосъ задрожать и оборваться, смутить чужую душу—о, какъ это было сладко ея душѣ! Какъ весело было вспоминать поздно вечеромъ, ложась въ свое чистое ложе на безмятежный сонъ — вспоминать всѣ эти взволнованныя слова и взгляды и вздохи! Съ какой довольной улыбкой уходила она тогда вся въ себя, въ сознательное ощущеніе своей непреступности,

своей недосыгаемости — снисходительно отдавалась законнымъ ласкамъ благовоспитаннаго супруга! Это было такъ пріятно, что она даже умилялась подъ-часъ и готова была сдѣлать доброе дѣло, помочь ближнему... Она однажды основала маленькую богадѣльню послѣ того, какъ одинъ до безумія въ нее влюбленный секретарь посольства попытался зарѣзаться! Она искренно молилась за него, хотя религіозное чувство съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ ней было слабо.

Новъ.

* * *

Все въ ней дышало увѣренностью и отдыхомъ любви, — торжествомъ красоты, успокоенной счастьемъ.

Три встрѣчи.

* * *

Молодость ѣсть пряники золоченые, да и думаетъ, что это-то и есть хлѣбъ насущный; а придетъ время, и хлѣбца напросишься.

Ася.

* *
*

... въ сущности—стремленія молодежи всегда безкорыстны и честны; и цѣли ихъ остаются тѣже, только имена мѣняются.

Литературный вечеръ у П. А. Плетнева.

* *
*

О молодость! молодость! тебѣ нѣтъ ни до чего дѣла, ты какъ будто-бы обладаешь всѣми сокровищами вселенной; даже грусть тебя тѣшитъ, даже печаль тебѣ къ лицу; ты самоувѣренна и дерзка, ты говоришь: я одна живу—смотрите! а

у самой дни бѣгутъ и исчезаютъ безъ слѣда и безъ счета, и все въ тебѣ исчезаетъ, какъ воскъ на солнцѣ, какъ снѣгъ... И можетъ быть вся тайна твоей прелести состоитъ не въ возможности все сдѣлать—а въ возможности думать, что ты все сдѣлаешь — состоитъ именно въ томъ, что ты пускаешь по вѣтру силы, которыя ни на что другое употребить бы не умѣла,—въ томъ, что каждый изъ насъ не шутя считаетъ себя расточителемъ, не шутя полагаетъ, что онъ вправѣ сказать: о, что бы я сдѣлалъ, еслибъ я не потерялъ времени даромъ!

Первая любовь.

* *
*

Я тоже вмѣшался въ толпу зрителей. Мнѣ было весело смотрѣть на лица студентовъ; ихъ объятія, восклицанія, невинное кокетничанье молодости, горячіе взгляды, смѣхъ безъ причины—лучшій смѣхъ на свѣтѣ, — все это радостное кипѣніе жизни юной, свѣжей, этотъ порывъ впередъ—куда бы то ни было, лишь бы впередъ,—это добродушное раздолье меня трогало и поджигало.

Ася.

* *
*

Каждый изъ насъ часто вспоминаетъ о быва-
ломъ—съ сожалѣніемъ или съ досадой, или просто
такъ, отъ-нечего дѣлать; но бросить холодный,
ясный взглядъ на всю свою прошедшую жизнь—
вотъ какъ прохожій, оборачиваясь, глядитъ съ вы-
сокой горы на пройденное имъ поле—можно толь-
ко въ извѣстныя лѣта... и тайный холодъ охва-
титъ сердце человѣка, когда это съ нимъ слу-
чается въ первый разъ... Пока мы молоды—*та-*
кого рода оглядки невозможны.

Переписка.

* *
*

...а я, знаешь ли, почему сталъ замѣчать, что
старѣюсь? Вотъ почему. Я теперь стараюсь пре-
увеличивать передъ самимъ собою свои веселыя
ощущенія и укрощать грустныя, а въ дни моло-
дости я поступалъ совершенно наоборотъ. Быва-
ло, носишься съ своей грустью, какъ съ кладомъ,
и совѣстишься.

Фаустъ.

* *
*

Настали темные, тяжелые дни...

Свои болѣзни, недуги людей милыхъ, холодъ и
мракъ старости. Все, что ты любилъ, чему отда-

вался безвозвратно—никнетъ и разрушается. Подъ гору пошла дорога.

Что же дѣлать? скорбѣть? горевать? Ни себѣ, ни другимъ ты этимъ не поможешь...

На засыхающемъ, покоробленномъ деревѣ листь мельче и рѣже,—но зелень его та же. Сожмись и ты, уйди въ себя, въ свои воспоминанья, и тамъ глубоко-глубоко, на самомъ днѣ сосредоточенной души, твоя прежняя, тебѣ одному доступная жизнь блеснетъ передъ тобой своей пахучей, все еще свѣжей зеленью, и лаской, и силой весны!

Но будь остороженъ... не гляди впередъ, бѣдный старикъ!

Стихотворенія въ прозѣ.

*
**

Я присѣлъ на срубленный пенъ, оперся локтями на колѣна и, послѣ долгаго безмолвія, медленно поднялъ голову и оглянулся. О, какъ все кругомъ было тихо и сурово—печально,—нѣтъ, даже не печально, а нѣмо, холодно и грозно въ то же время! Сердце во мнѣ сжалось. Въ это мгновеніе, на этомъ мѣстѣ я почувалъ вѣяніе смерти, я ощутилъ, я почти осязалъ ея непрестанную близость. Хотя бы одинъ звукъ задрожалъ, хотя бы мгновенный шорохъ поднялся въ неподвижномъ звѣвѣ

обступившаго меня бора! Я снова, почти со страхомъ, опустилъ голову; точно я заглянулъ куда-то, куда не слѣдуетъ заглядывать человѣку... Я закрылъ глаза рукою—и вдругъ, какъ бы повинуюсь таинственному повелѣнію, я началъ припоминать всю мою жизнь...

Вотъ мелькнуло передо мной мое дѣтство, шумливое и тихое, задорное и доброе, съ торопливыми радостями и быстрыми печалами; потомъ возникло молодость, смутная, странная, самолюбивая со всѣми ея ошибками и начинаніями, съ безпорядочнымъ трудомъ и взволнованнымъ бездѣйствіемъ... Пришли на память и они, товарищи первыхъ стремленій... потомъ какъ молнія въ ночи, свергнуло нѣсколько свѣтлыхъ воспоминаній... потомъ начали нарастать и надвигаться тѣни; темнѣе и темнѣе стало кругомъ, глуше и тише побѣжали однообразные годы—и камнемъ на сердце опустилась грусть. Я сидѣлъ неподвижно и глядѣлъ, глядѣлъ съ изумленіемъ и усиліемъ, точно всю жизнь свою передъ собою видѣлъ, точно свитокъ развивался у меня передъ глазами. О, что я сдѣлалъ! невольно шептали горькимъ шепотомъ мои губы. О, жизнь, жизнь, куда, какъ ушла ты такъ безслѣдно? Какъ выскользнула ты изъ крѣпко-стиснутыхъ рукъ? Ты ли меня обманула, я ли

не умѣлъ воспользоваться твоими дарами. Возможно ли? эта малость, эта бѣдная горсть пыльнаго пепла—вотъ все, что осталось отъ тебя? Это холодное, неподвижное, ненужное нѣчто — это я, тотъ прежній я? Какъ? Душа жаждала счастья такого полнаго, она съ такимъ презрѣніемъ отвергала все мелкое, все недостаточное, она ждала; вотъ вотъ нахлынетъ счастье потокомъ — и ни одной каплей не смочило алкавшихъ губъ? О, золотыя мои струны, вы, такъ чутко, такъ сладостно дрожавшія когда-то, я такъ и не услышалъ вашего пѣнья... вы и звучали только — когда рвались. Или, можетъ-быть, счастье, прямое счастье всей жизни проходило близко, мимо, улыбалось лучезарной улыбкой—да я не умѣлъ признать его божественнаго лица? Или оно точно посѣщало меня и сидѣло у моего изголовья, да позабылось мною, какъ сонъ? Какъ сонъ, повторилъ я уныло. Неуловимые образы бродили по душѣ, возбуждая въ ней не то жалость, не то недоумѣнье... А вы, думалъ я, милыя, знакомыя, погибшія лица, вы, обступившія меня въ этомъ мертвомъ уединеніи, отчего вы такъ глубоко и грустно безмолвны? Изъ какой бездны возникли вы? Какъ мнѣ понять ваши загадочные взоры? Прощаетесь ли вы со мною, привѣтствуете ли вы меня? О, неужели нѣтъ на-

дежды, нѣтъ возврата? Зачѣмъ полились вы изъ глазъ, скупыя, позднія капли? О, сердце, къ чему, зачѣмъ еще жалѣть, старайся забыть, если хочешь покоя, пріучайся къ смиренью послѣдней разлуки, къ горькимъ словамъ: „прости“ и „навсегда“. Не оглядывайся назадъ, не вспоминай, не стремись туда, гдѣ свѣтло, гдѣ смѣется молодость, гдѣ надежда вѣнчается цвѣтами весны, гдѣ голубка радость бьетъ лазурными крылами, гдѣ любовь, какъ роса на зарѣ, сіяетъ слезами восторга, не смотри туда, гдѣ блаженство и вѣра и сила—тамъ не наше мѣсто!

Позднка въ полъсье.

* *
*

Государственная
ордена Ленина

Библиотека СССР

Была у него лягавая собака, по прозванью Валетка, „преудивительное созданье. Ермолай никогда ея не кормилъ. „Стану я пса кормить, разсуждалъ онъ:—притомъ песъ — животное умное, самъ найдетъ себѣ пропитанье“. И, дѣйствительно: хотя Валетка поражалъ даже равнодушнаго прохожаго своей чрезмѣрной худобой, но жилъ, и долго жилъ; даже, не смотря на свое бѣдственное положенье, ни разу не пропадалъ и не изъявлялъ желанья покинуть своего хозяина. Разъ какъ-то въ юные годы онъ отлучился на два дня, увлеченный любовью; но эта дурь скоро съ него соскочила. Замѣчательнѣйшимъ свойствомъ Валетки было его непостижимое равнодушіе ко всему на свѣтѣ... Еслибъ рѣчь шла не о собакѣ, я бы употребилъ слово: разочарованность. Онъ обыкновенно сидѣлъ подвернувши подъ себя свой буцый хвостъ, хму-

рился, вздрагивалъ по временамъ и никогда не улыбался. (Извѣстно, что собаки имѣютъ способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться). Онъ былъ крайне безобразенъ, и ни одинъ праздничный дворовый человѣкъ не упускалъ случая ядовито насмѣяться надъ его наружностью; но всѣ эти насмѣшки и даже удары Валетка переносилъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Особенное удовольствіе доставлялъ онъ поварамъ, которые тотчасъ отрывались отъ дѣла и съ крикомъ и бранью пускались за нимъ въ погоню, когда онъ, по слабости, свойственной не однѣмъ собакамъ, просовывалъ свое голодное рыло въ полурастворенную дверь соблазнительно теплой и благоуханной кухни. На охотѣ онъ отличался неутомимостью, и чуть имѣлъ порядочное, но если случайно догонялъ подраненнаго зайца, то ужъ и съѣдалъ его съ наслажденіемъ всего, до послѣдней косточки, гдѣ-нибудь въ прохладной тѣни, подъ зеленымъ кустомъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ Ермолая, ругавшагося на всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ діалектахъ.

Ермолай и Мельничиха.

* *
*

Да и конь же былъ! Огонь, какъ есть огонь,

просто порохъ—а степенство какъ у боярина!— Неутомимый, выносливый, куда хошь его поверни; безотвѣтный; а прокормить его ничего не стоитъ: коли нѣтъ ничего другого, землю подъ собой глодаетъ. Шагомъ идетъ — какъ въ рукахъ несетъ; рысью—что въ зыбкѣ качаетъ, а поскачетъ, такъ и вѣтру за нимъ не угнаться! Никогда-то онъ не запыхается: потому—отдушинъ много. Ноги стальные; чтобы онъ когда спотыкнулся—и въ поминѣ этого не бывало!—Перескочить ровъ-ли, тынъ-ли—это ему нипочемъ; а ужь умница какая! На голосъ такъ и бѣжитъ, задравши голову; прикажешь ему стоять, и самъ уйдешь—онъ не поворохнется; только что станешь возвращаться, чуть-чуть заржетъ: „здѣсь—моль я“.—И ничего-то онъ не боится: въ самую темячь, въ мятель дорогу сыцетъ, а чужому ни за что не дастся: зубами загрызетъ! И собака не суйся къ нему: сейчасъ передней ножкой ее по лбу—тюкъ! только она и жила.— Съ амбиціей конь: плеткой развѣ—что для красы надъ нимъ помахивай—а сохрани Богъ его тронуть! Да что тутъ долго толковать:—сокровище, а не лошадь!

Конецъ Чертопхановъ.

...смущали Чертопханова несходства, такъ сказать, нравственные. Привычки у *того* были другія, вся повадка была не та. Напримѣръ: *тотъ* Малекъ—Адель всякій разъ оглядывался и легонько ржалъ, какъ только Чертопхановъ входилъ въ конюшню; а *этотъ* жевалъ себѣ сѣно, какъ ни въ чемъ не бывало — или дремалъ, понутивъ голову. Оба не двигались съ мѣста, когда хозяинъ соскакивалъ съ сѣдла; но *тотъ*, когда его звали, тотчасъ шель на голосъ — а *этотъ* продолжалъ стоять какъ пень. *Тотъ* скакалъ также быстро, но прыгалъ выше и дальше; *этотъ* шагомъ шель вольнѣе, а рысью трясче — и „хлябалъ“ иногда подковами — то-есть стучалъ задней о переднюю; за тѣмъ никогда такого сраму не водилось — сохрани Богъ! *Этотъ*, думалось Чертопханову, все ушами прядеть, глупо такъ — а *тотъ* напротивъ: заложить одно ухо назадъ — да такъ и держать — хозяина наблюдаетъ! *Тотъ* бывало, какъ увидить, что около него не чисто — сейчасъ задней ногой стукъ въ стѣнѣ стойла; а *этому* ничего — хоть по самое брюхо навали ему навозу. *Тотъ*, если, напримѣръ: противъ вѣтра его поставить — сейчасъ всѣми легкими вздохнетъ и встряхнется, а *этотъ* знай пофыркиваетъ; *того* сырость дождевая безпокоила — *этому* она ни почемъ... Грубѣе этотъ

грубѣе! И пріятности нѣтъ какъ у того, и тугъ на поводу—что и говорить!

Конецъ Чертопханова.

* *
*

Знаете-ли вы, на примѣрь, какое наслажденіе выѣхать весной до зари? Вы выходите на крыльцо.... На темно-сѣромъ небѣ кой-гдѣ мигаютъ звѣзды; влажный вѣтерокъ изрѣдка набѣгаетъ легкой волной; слышится сдержанный, неясный шопотъ ночи; деревья слабо шумятъ, облитыя тѣнью. Вотъ кладутъ коверъ на телѣгу, ставятъ въ ноги ящикъ съ самоваромъ. Пристяжныя ежатся, фыркаютъ и щеголевато переступаютъ ногами; пара только-что проснувшихся бѣлыхъ гусей молча и медленно перебирается черезъ дорогу. За плетнемъ, въ саду, мирно похрапываетъ сторожъ; каждый звукъ словно стоитъ въ застывшемъ воздухѣ, стоитъ и не проходитъ. Вотъ вы сѣли; лошади разомъ тронулись, громко застучала телѣга.... Вы ѣдете—ѣдете мимо церкви, съ горы на право, черезъ плотину.... Прудъ едва начинаетъ дымиться. Вамъ холодно

немножко, вы закрываете лицо воротникомъ шинели; вамъ дремлется. Лошади звучно шлепаютъ ногами по лужамъ; кучерь посвистываетъ. Но вотъ вы отъѣхали версты четыре.... край неба алѣетъ; въ берегахъ просыпаются, неловко перелетываютъ галки; воробьи чирикаютъ около темныхъ скирдь. Свѣтлѣетъ воздухъ, виднѣй дорога, яснѣетъ небо, бѣлѣютъ тучки, зеленѣютъ поля. Въ избахъ краснымъ огнемъ горятъ лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тѣмъ заря разгарается; вотъ уже золотыя полосы протянулись по небу, въ оврагахъ клубятся пары; жаворонки звонко поютъ, передразвѣтный вѣтеръ подулъ, — и тихо всплываетъ багровое солнце. Свѣтъ такъ и хлынетъ потокомъ; сердце въ васъ встрепенется, какъ птица. Свѣжо, весело, любо!

Лѣсъ и степь.

*
* *

Молодые деревья росли очень тѣсно, ни чей топоръ еще не коснулся до ихъ стройныхъ стволовъ, негустая, но почти сплошная тѣнь ложилась отъ мелкихъ листьевъ на мягкую и тонкую траву, всю испещренную золотыми головками куриной слѣпоты, бѣлыми точками лѣсныхъ колокольчиковъ и малиновыми крестиками гвоздики.

Недавно вставшее солнце затопляло всю рощу сильнымъ, хотя и не яркимъ свѣтомъ; вездѣ блестяли росинки, кой гдѣ внезапно загорались и рдѣли крупныя капли; все дышало свѣжестью, жизнью и той невинной торжественностью первыхъ мгновеній утра; когда все уже такъ свѣтло и такъ еще безмолвно. Только и слышались, что разсыпчатые голоса жаворонковъ надъ отдаленными полями, да въ самой рощѣ двѣ, три птички, не торопясь, выводили свои коротенькія колѣнца и словно прислушивались потомъ, какъ это у нихъ вышло. Отъ мокрой земли пахло здоровымъ, крѣпкимъ запахомъ, чистый легкій воздухъ переливался прохладными струями. Утромъ, славнымъ лѣтнимъ утромъ, вѣяло ото всего, все глядѣло и улыбалось утромъ, точно румяное, только что вымытое личико проснувагося ребенка.

Затишье.

* *
*

А лѣтнее, іюльское утро! Кто, кромѣ охотника, испыталъ, какъ отрадно бродить на зарѣ по кустамъ? Зеленой чертой ложится слѣдъ вашихъ ногъ по росистой, побѣлѣвшей травѣ. Вы раздвинете мокрый кустъ, — васъ такъ и обдастъ накопившемся, теплымъ запахомъ ночи; воздухъ весь

напоенъ свѣжей горечью полыни, медомъ гречихи и „чашки“; вдали стѣной стоитъ дубовый лѣсъ и блеститъ и алѣетъ на солнцѣ; еще свѣжо, но уже чувствуется близость жара. Голова томно кружится отъ избытка благоуханій. Кустарнику нѣтъ конца.... Кой-гдѣ развѣ вдали желтѣетъ поспѣвающая розь, узкими полосками краснѣетъ гречиха.

Лѣсъ и степь.

* *
*

Былъ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. Съ самаго ранняго утра небо ясно; утренняя заря не пылаетъ пожаромъ: она разливается кроткимъ румянцемъ. Солнце не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно лучезарное—мирно всплываетъ подъ узкой и длинной тучкой, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый ея туманъ. Верхній, тонкій край растянутаго облачка засверкаетъ змѣйками; блескъ ихъ подобенъ блеску кованаго серебра.... Но вотъ опять хлынули играющіе лучи,—и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглыхъ высокихъ

облаковъ, золотисто сѣрыхъ, съ нѣжными бѣлыми краями. Подобно островамъ, разбросаннымъ по безконечно-разлившейся рѣкѣ, обтекающей ихъ глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы, онѣ почти не трогаются съ мѣста; далѣе, къ небосклону, онѣ сдвигаются, тѣснятся; синевы между ними уже не видать; но сами онѣ также лазурны, какъ небо: онѣ всѣ насквозь проникнуты свѣтомъ и теплотой. Цвѣтъ небосклона, легкій, блѣдно-лиловый, не измѣняется во весь день и кругомъ одинаковъ; нигдѣ не темнѣетъ, не густѣетъ гроза; развѣ, кой гдѣ, протянутся сверху внизъ голубоватыя полосы: — то сѣется едва замѣтный дождь.

Близинъ лугъ.

* *
*

Да и день вышелъ такой для охоты хорошій — съ самаго утра тихій, сѣрый, словно весь проникнутый вечеромъ.

Три встрѣчи.

* *
*

Сегодня удивительная погода. Тепло, ясно; солнце весело играетъ на таломъ снѣгѣ; все блеститъ, дымится, каплетъ; воробы, какъ сумасшедшіе, кричатъ около отпотѣвшихъ темныхъ заборовъ; влаж-

ный воздухъ страшно и сладко раздражаетъ мнѣ грудь.

Дневникъ лишняго человека.

* *
*

А осенній, ясный, немножко холодный, утромъ изморозный день, когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на блѣдно-голубомъ небѣ, когда низкое солнце уже не грѣетъ, но блеститъ ярче лѣтняго; небольшая осиновая роща вся сверкаетъ насквозь, словно ей весело и легко стоять голой; изморозь еще бѣлѣетъ на днѣ долины, а свѣжій вѣтеръ тихонько шевелитъ и гонитъ упавшіе, покоробленные листья, — когда по рѣкѣ радостно мчатся синія волны, мѣрно вздымая разсѣянныхъ гусей и утокъ; вдали мельница стучитъ, полузакрытая вербами, и, пестрѣя въ свѣтломъ воздухѣ, голуби быстро кружатся надъ ней....

Лѣсъ и степь.

* *
*

Но вотъ наступаетъ вечеръ. Заря запылала пожаромъ и обхватила полъ-неба. Солнце садится. Воздухъ вблизи какъ-то особенно прозраченъ, словно стеклянный: вдали ложится мягкій парь, теп-

лый на видъ; вмѣстѣ съ росой падаетъ алый блескъ на поляны, еще недавно облитыя потоками жидкаго золота; отъ деревьевъ, отъ кустовъ, отъ высокихъ стоговъ сѣна побѣжали длинныя тѣни.... Солнце сѣло; звѣзда зажглась и дрожить въ огнистомъ морѣ заката.... Вотъ оно блѣднѣетъ; синѣетъ небо; отдѣльныя тѣни исчезаютъ, воздухъ наливается мглою.

Лѣсъ и степь.

* *
*

Прямо противъ насъ, среди раскаленнаго тумана, садилось багровое, огромное солнце. Полнеба разгаралось и рдѣло; красные лучи били вскользь по лугамъ, бросая алый отблескъ даже на тѣнистую сторону овраговъ, ложились огнистымъ свинцомъ по рѣчкѣ, тамъ, гдѣ она не пряталась подъ нависшіе кусты, и словно упирались въ грудь обрыву и рощѣ. Мы стояли, облитые горячимъ сіяніемъ. Я не въ состояніи передать всю страстную торжественность этой картины. Говорять, одному слѣпому красный цвѣтъ представлялся трубнымъ звукомъ; не знаю, на сколько это сравненіе справедливо, но дѣйствительно было что-

то призывное въ этомъ пылающемъ золотѣ вечерняго воздуха, въ багряномъ блескѣ неба и земли.

Дневникъ лишняго человека.

* *
*

День давно погасъ, и вечеръ, сперва весь огнистый, потомъ ясный и алый, потомъ блѣдный и смутный, тихо таялъ и переливался въ ночь.

Ася.

* *
*

Я любилъ бродить тогда по городу; луна, казалось, пристально глядѣла на него съ чистаго неба; и городъ чувствовалъ этотъ взглядъ и стоялъ чутко и мирно, весь облитый ея свѣтомъ, этимъ безмятежнымъ и въ то же время тихо душу волнующимъ свѣтомъ.

Ася.

* *
*

Кругомъ все было также тихо, какъ и наканунѣ, но не было давящаго и тѣснящаго душу бора; на высохшемъ мохѣ, на лиловомъ бурьянѣ, на мягкой пыли дороги, на тонкихъ стволахъ и чистыхъ листочкахъ молодыхъ березъ, лежалъ ясный и кроткій свѣтъ уже беззнойнаго, невысокаго солнца. Все отдыхало, погруженное въ успокои-

тельную прохладу; ничего еще не заснуло, но уже все готовилось къ цѣлебнымъ усыпленьямъ вечера и ночи. Все, казалось, говорило человѣку: „отдохни, братъ нашъ, дыши легко и не горюй и ты передъ близкимъ сномъ“.

Полъздка въ польсье.

* *
*

Послѣ свѣтлаго лѣтняго дня наступилъ ясный и тихій вечеръ: заря пылала; до половины облитый ея багрянцемъ, широкій прудъ стоялъ неподвижнымъ зеркаломъ, величаво отражая въ серебристой мглѣ своего глубокаго лона всю воздушную бездну неба и опрокинутыя, какъ бы почернѣвшія деревья и домъ. Все замолкало кругомъ. Шума уже не было нигдѣ.

Затишье.

* *
*

Къ вечеру... облака исчезаютъ; послѣднія изъ нихъ, черповатыя и неопредѣленныя, какъ дымъ, ложатся розовыми клубами напротивъ заходящаго солнца; на мѣстѣ, гдѣ оно закатилось такъ-же спокойно, какъ спокойно взошло на небо, алое сіянье стоитъ недолгое время надъ потемнѣвшей землей, и, тихо мигая, какъ бережно несомая свѣчка, затеплится на немъ вечерняя звѣзда. Въ та-

кіе дни краски всѣ смягчены; свѣтлы, но не ярки; на всемъ лежитъ печать какой-то трогательной кротости. Въ такіе дни жаръ бываетъ иногда весьма силенъ, иногда даже „парить“ по скатамъ полей; но вѣтеръ разгоняетъ, раздвигаетъ накопившійся зной, и вихри-круговороты — несомнѣнный признакъ постоянной погоды — высокими бѣлыми столбами гуляютъ по дорогамъ черезъ пашню. Въ сухомъ и чистомъ воздухѣ пахнетъ полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за часъ до ночи вы не чувствуете сырости.

Бѣжинъ лугъ.

* *
*

За четверть часа до захожденія солнца, весной, вы входите въ рощу, четверть часа прошло. Солнце сѣло, но въ лѣсу еще свѣтло; воздухъ чистъ и прозраченъ; птицы болтливо лепечутъ; молодая трава блеститъ веселымъ блескомъ изумруда.... Внутренность лѣса постепенно темнѣетъ; алый свѣтъ вечерней зари медленно скользитъ по корнямъ и стволамъ деревьевъ, поднимается все выше, и выше, переходитъ отъ нижнихъ, почти еще голыхъ вѣтокъ, къ неподвижнымъ, засыпающимъ верхушкамъ.... Вотъ и самыя верхушки потускнѣли; румяное небо синѣетъ. Лѣсной запахъ

усиливается, слегка повѣяло теплой сыростью; влетѣвшій вѣтеръ около васъ замираетъ. Птицы засыпаютъ—не всѣ вдругъ—по породамъ: вотъ затихли зяблики, черезъ нѣсколько мгновений малиновки, за ними овсянки. Въ лѣсу все темнѣй да темнѣй. Деревья сливаются въ большія, чернѣющія массы; на синемъ небѣ робко выступаютъ первыя звѣздочки. Всѣ птицы спятъ. Горихвостки, маленькіе дятлы одни еще сонливо посвистываютъ... Вотъ и они умолили. Еще разъ прозвенѣлъ надъ вами звонкій голосъ пѣночки, гдѣ-то печально прокричала иволга, соловей щелкнулъ въ первый разъ. Сердце ваше томится ожиданьемъ, и вдругъ—но одни охотники поймутъ меня—вдругъ въ глубокой тишинѣ раздается особаго рода карканье и шипѣнье, слышится мѣрный взмахъ проворныхъ крылъ, и вальдшнепъ, красиво наклонивъ свой длинный носъ, плавно вылетаетъ изъ-за темной березы на встрѣчу вашему выстрѣлу.

Ермолай и Мельничиха.

* *
*

Уже давно настала ночь,—великолѣпная ночь, южная, не тихая и грустно задумчивая, какъ у насъ, нѣтъ! вся свѣтлая, роскошная и прекрасная,

какъ счастливая женщина въ цвѣтѣ лѣтъ: луна свѣтила невѣроятно ярко; большія, лучистыя звѣзды такъ и шевелились на темно-синемъ небѣ; рѣзко отдѣлялись черныя тѣни отъ освѣщенной до желтизны земли. Съ обѣихъ сторонъ улицы тянулись каменные ограды садовъ; апельсиныя деревья поднимали надъ нами свои кривыя вѣтки, золотые шары тяжелыхъ плодовъ то чуть виднѣлись, спря- танные между перепутанными листьями, то ярко рдѣли, пышно выставившись на луну. На многихъ деревьяхъ нѣжно бѣлѣли цвѣты; воздухъ весь былъ напоенъ благовоніемъ, томительно-сильнымъ, острымъ и почти тяжелымъ, хотя невыразимо слад- кимъ.

Три встрѣчи.

* * *

Молодые яблоки кое-гдѣ возвышались надъ по- ляной; сквозь ихъ жидкія вѣтви кротко синѣло ночное небо, лился дремотный свѣтъ луны, пе- редъ каждой яблоней лежала на бѣлѣющей травѣ ея слабая, пестрая тѣнь. Съ одной стороны сада липы смутно зеленѣли, облитыя неподвижнымъ, блѣдно- яркимъ свѣтомъ; съ другой онѣ стояли всѣ чер- ныя и непрозрачныя; страшный, сдержанный шо- рохъ возникалъ по временамъ въ ихъ сплошной

листвѣ; онѣ какъ будто звали на проподавшія подъ ними дорожки, какъ будто манили подъ свою сѣнь. Все небо было испещрено звѣздами, таинственно струилось съ вышины ихъ голубое, мягкое мерцанье; онѣ, казалось, съ тихимъ вниманьемъ глядѣли на далекую землю. Малыя, тонкія облака, изрѣдка налетая на луну, превращали на мгновение ея спокойное сіяніе въ неясный, но свѣтлый туманъ... Все дремало. Воздухъ, весь теплый, весь пахучій, даже не колыхался, онѣ только изрѣдка дрожаль, какъ дрожить вода, возмущенная паденіемъ вѣтки... Какая то жажда чувствовалась въ немъ, какое-то млѣніе...

Три встрѣчи.

* *
*

.... Вмѣстѣ съ вечеромъ, надвигалась гроза. Уже съ полудня парило и въ отдаленіи все погрохатывало; но вотъ широкая туча, давно лежавшая свинцовой пеленой на самой чертѣ небосклона, стала рости и показываться изъ-за вершинъ деревьевъ; явственнѣе началъ вздрагивать душный воздухъ, все сильнѣе и сильнѣе потрясаемый приближавшимся громомъ; вѣтеръ поднялся, прошумѣлъ порывисто въ листьяхъ, замолѣлъ, опять зашумѣлъ продолжительно, загудѣлъ; угрюмый сумракъ побѣжалъ надъ землею, быстро стѣняя послѣдній отблескъ зари; сплошныя облака, какъ бы сорвавшись, поплыли вдругъ, понеслись по небу; дождикъ закапалъ, молнія вспыхнула краснымъ огнемъ, и громъ грянулъ тяжело и сердито.

Затишье.

* *
*

Закрывая собою заходившее солнце, вздымалась

огромная, темно-синяя туча; видомъ своимъ она представляла подобіе огнедышащей горы; ея верхъ широкимъ снопомъ раскидывался по небу; яркой каймой окружалъ ее зловѣщій багрянецъ, и въ одномъ мѣстѣ, на самой серединѣ пробивалъ насквозь ея тяжелую громаду, какъ бы вырываясь изъ раскаленнаго жерла....

Фаустъ.

* *
*

Надъ головой, тяжелыя, дымныя тучи; онѣ тѣснятся, онѣ бѣгутъ какъ стадо злобныхъ чудовищъ.... а тамъ, внизу, другое чудовище: разъяренное, именно разъяренное море... Бѣлая пѣна судорожно сверкаетъ и кипитъ на немъ буграми— и вздымая косматыя волны, съ грубымъ грохотомъ бьетъ оно въ громадный, какъ смоль черный утесъ. Завываніе бури, леденящее дыханіе расколыхавшейся бездны, тяжкій плескъ прибоя, въ которомъ по временамъ чудится что-то похожее на вопли, на далекіе пушечные выстрѣлы, на колокольный звонъ—раздирающій визгъ и скрежетъ прибрежныхъ голышей, внезапный крикъ невидимой чайки, на мутномъ небосклонѣ шаткій остовъ корабля—всюду смерть.

Призраки.

* *
*

Я сидѣлъ и глядѣлъ кругомъ и слушалъ. Листья чуть шумѣли надъ моей головой, по одному ихъ шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То былъ не веселый, смѣющійся трепеть весны, не мягкое шушуканье, не долгій говоръ лѣта, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня. Слабый вѣтеръ чуть-чуть тянулъ по верхушкамъ. Внутренность рощи, влажной отъ дождя, безпрестанно измѣнялась, смотря по тому, свѣтило-ли солнце или закрывалось облакомъ; она то озарялась вся, словно вдругъ въ ней все улыбнулось: тонкіе стволы не слишкомъ частыхъ березъ внезапно принимали нѣжный отблескъ бѣлаго шелка; лежавшіе на землѣ мелкіе листья вдругъ пестрѣли и загорались червоннымъ золотомъ, а красивые стебли высокихъ, кудрявыхъ папоротниковъ, уже окрашенныхъ въ свой осенній цвѣтъ, подобный цвѣту переспѣлаго винограда, такъ и скользили, безконечно путаясь и пересѣкаясь передъ глазами; то вдругъ опять все кругомъ слегка синѣло: яркія краски мгновенно гасли, березы стояли всѣ бѣлыя, безъ блеску, бѣлыя какъ только-что выпавшій снѣгъ, до котораго еще не коснулся холодно играющій лучъ зимняго солнца,—и украдкой, лукаво, начиналъ сѣяться и шептать по лѣсу мельчайшій дождь.

Листва на берегахъ была еще почти вся зелена, хотя замѣтно поблѣднѣла: лишь кой-гдѣ стояла одна, молоденькая, вся красная или вся золотая, и надобно было видѣть, какъ она ярко вспыхивала на солнцѣ, когда его лучи внезапно пробивались, скользя и пестрѣя, сквозь частую сѣтку тонкихъ вѣтокъ, только-что смытыхъ сверкающимъ дождемъ. Ни одной птицы не было слышно: всѣ пріютились и замолкли; лишь изрѣдка звенѣлъ стальнымъ колокольчикомъ насмѣшливый голось синицы.

Свиданіе.

* *
*

И какъ этотъ же самый лѣсъ хорошъ поздней осенью, когда прилетаютъ вальдшнепы! Они не держатся въ самой глуши: ихъ надобно искать вдоль опушки. Вѣтра нѣтъ, и нѣтъ ни солнца, ни свѣта, ни тѣни, ни движенья, ни шума; въ мягкомъ воздухѣ разлитъ осенній запахъ, подобный запаху вина; тонкій туманъ стоитъ вдали надъ желтыми полями. Сквозь обнаженные, бурые сучья деревъ мирно бѣлѣетъ неподвижное небо; кой-гдѣ на липахъ висятъ послѣдніе золотые листья. Сырая земля упруга подъ ногами; высокія, сухія былинки не ше-

велятся; длинныя нити блестятъ на поблѣднѣвшей травѣ.

Лѣсъ и степь.

* *
*

Статныя осины высоко лепечуть надъ вами; длинныя, висячія вѣтки березъ едва шевелятся; могучій дубъ стоитъ, какъ боець, подлѣ красивой липы. Вы ѣдете по зеленой, испещренной тѣнями дорожкѣ; большія желтыя мухи неподвижно висятъ въ золотистомъ воздухѣ и вдругъ отлетаютъ; мошки вьются столбомъ, свѣтлѣя въ тѣни, темнѣя на солнцѣ; птицы мирно поютъ. Золотой голосокъ малиновки звучитъ невинной, болтливой радостью: онъ идетъ къ запаху ландышей. Далѣе, далѣе, глубже въ лѣсъ... Лѣсъ глохнетъ... Незъяснимая тишина западаетъ въ душу; да и кругомъ такъ дремотно и тихо. Но вотъ вѣтеръ набѣжалъ, и зашумѣли верхушки, словно падающія волны. Сквозь прошлогоднюю бурюю листву кой-гдѣ растутъ высокія травы; грибы стоятъ отдѣльно подъ своими шляпками. Бѣлякъ вдругъ выскочить, собака съ звонкимъ лаемъ помчится вслѣдъ...

Лѣсъ и степь.

* *
*

Роца... состояла изъ сотни высокихъ, старыхъ, большей частью плакучихъ березъ. Вѣтеръ не переставалъ; длинныя пачки вѣтвей качались, метались какъ распущенныя косы, облака по прежнему неслись быстро и высоко;—и когда одно изъ нихъ налетало на солнце, все кругомъ становилось— не темно, но одноцвѣтно.—Но вотъ оно пролетѣло,—и всюду, внезапно, яркія пятна свѣта мятежно колыхались снова: они путались, пестрѣли, мѣшались съ пятнами тѣни.... шумъ и движеніе были тѣ же; но какая-то праздничная радость прибавлялась къ нимъ. Съ такимъ же радостнымъ насилиемъ врывается страсть въ потемнѣвшее, взволнованное сердце....

Новъ.

* *
*

Я, признаюсь, не слишкомъ люблю это дерево— осину—съ ея блѣдно-лиловымъ стволомъ и сѣро-зеленой, металлической листвою, которую она вздымаетъ какъ можно выше и дрожащимъ вѣромъ раскидываетъ на воздухъ; не люблю я вѣчное качаніе ея круглыхъ неопрятныхъ листьевъ, неловко прицѣпленныхъ къ длиннымъ стебелькамъ. Она бываетъ хороша только въ иные лѣтніе вечера, ког-

да, возвышаяся отдѣльно среди низкаго кустарника, приходится въ упоръ рдѣющимъ лучамъ заходящаго солнца и блеститъ и дрожитъ, съ корней до верхушки облитая одинаковымъ жолтымъ багрянцемъ,—или, когда, въ ясный вѣтренный день, она вся шумно струится и лепечетъ на синемъ небѣ, и каждый листъ ея, подхваченный стремленіемъ, какъ-будто хочетъ сорваться, слетѣть и умчаться въ даль.

Свиданіе.

* * *

Мы находились надъ плоскимъ берегомъ. Налѣво тянулись, терялись въ безконечность скошенныя луга, уставленные громадными скирдами; направо въ такую же безконечность уходила ровная гладь великой многоводной рѣки. Недалеко отъ берега небольшія темныя барки тихонько переваливались на якоряхъ, слегка двигая остриями своихъ мачтъ, какъ указательными перстами. Съ одной изъ этихъ барокъ долетали до меня звуки разливистаго голоса, и на ней же горѣлъ огонекъ, дрожа и покачиваясь въ водѣ своимъ длиннымъ краснымъ отраженіемъ. Кое-гдѣ и на рѣкѣ и въ поляхъ, непонятно для глаза: близко-ли далеко-ли—

мигали другіе огоньки; они то жмурились, то вдругъ выдвигались лучистыми крупными точками: безчисленные кузнечики немолчно стрекотали.

Призраки.

* *
*

Кто не видалъ Венеціи въ апрѣлѣ, тому едва ли знакома вся несказанная прелесть этого волшебнаго города. Кротость и мягкость весны идутъ къ Венеціи, какъ яркое солнце лѣта къ великолѣпной Генуѣ, какъ золото и пурпуръ осени къ великому старцу—Риму. Подобно веснѣ, красота Венеціи и трогаетъ и возбуждаетъ желанія; она томить и дразнить неопытное сердце, какъ обѣщаніе близкаго незагадочнаго, но таинственнаго счастья. Все въ ней свѣтло, понятно, и все обвѣяно дремотною дымкой какой-то влюбленной тишины: все въ ней молчитъ, и все привѣтно; все въ ней женственно, начиная съ самаго имени: не даромъ ей одной дано названіе *прекрасной*. Громады дворцовъ, церквей, стоятъ легки и чудесны, какъ стройный сонъ молодаго бога; есть что-то сказочное, что-то плѣнительно-странное въ зелено-сѣромъ блескѣ и шелковистыхъ отливахъ нѣмой волны каналовъ, въ безшумномъ бѣгѣ гондоль, въ отсутствіи грубыхъ городскихъ звуковъ, грубаго стука, тре-

ска и гама. „Венеція умираеть, Венеція опустѣла“, говорятъ вамъ ея жители; но быть можетъ, этой-то послѣдней прелести, прелести увяданія въ самомъ расцвѣтѣ и торжествѣ красоты, не доставало ей. Кто ея не видѣлъ, тотъ ея не знаетъ: ни Каналетти, ни Гварди (не говоря уже о новѣйшихъ живописцахъ)— не въ силахъ передать этой серебрястой нѣжности воздуха, этой улетающей и близкой дали, этого дивнаго созвучія изящнѣйшихъ очертаній и тающихъ красокъ. Отжившему, разбитому жизнью не для чего посѣщать Венецію: она будетъ ему горька, какъ память о несбывшихся мечтахъ первоначальныхъ дней; но сладка будетъ она тому, въ комъ кипятъ еще силы, кто чувствуетъ себя благополучнымъ; пусть онъ принесетъ свое счастье подъ ея очарованныя небеса, и какъ бы оно ни было лучезарно, она еще озолотитъ его неувядаемымъ сіяніемъ.

Наканунъ.

* *
*

Всякій разъ этотъ домъ со своими наглухо заколоченными окнами представлялся мнѣ слѣпымъ старикомъ, вышедшимъ погрѣться на солнцѣ. Сидитъ онъ, сердечный, близъ дороги; солнечный блескъ давно смѣнился для него вѣчной мглою; но

онъ чувствуетъ его по крайней мѣрѣ на приподнятомъ и вытянутомъ лицѣ, на согрѣтыхъ щекахъ. Казалось, давно никто не жилъ въ самомъ домѣ.

Три встречи.

* *
*

Муцій приказаль малайцу принести свою индійскую скрипку, Она походила на нынѣшнія, только вмѣсто четырехъ струнь у ней было три; верхъ ея обтягивала голубоватая змѣиная кожа, и тонкій тростниковый смычекъ имѣлъ видъ полукруглый, а на самомъ его концѣ блистѣлъ заостренный алмазь. Муцій сыграль сперва нѣсколько заунылыхъ, по его словамъ народныхъ пѣсень, странныхъ и даже дикихъ для итальянскаго уха; звукъ металлическихъ струнь былъ жалобенъ и слабъ. Но когда муцій началъ послѣднюю пѣсню—этотъ самый звукъ внезапно окрѣпъ, затрепеталь звонко и сильно; страстная мелодія полилась изъ-подъ широко-проводимаго смычка, полилась, красиво изгибаясь, какъ та змѣя, что покрывала своей кожей скрипичный верхъ; и такимъ огнемъ, такой торжествующей радостью сіяла и

горѣла эта мелодія, что и Фабію, и Валерію стало жутко на сердцѣ, и слезы выступили на глаза... а Муцій, съ наклоненной прижатой къ скрипкѣ головою, съ поблѣднѣвшими щеками, съ бровями, сдвинутыми въ одну черту, казался еще сосредоточеннѣй и важнѣй — а алмазь на концѣ смычка бросалъ на ходу лучистыя искры, какъ-бы тоже зажженный огнемъ той дивной пѣсни.

Пѣснь торжествующей любви.

* *
*

Онъ глубоко вздохнулъ и запѣлъ... Первый звукъ его голоса былъ слабъ и неровень и, казалось, не выходилъ изъ его груди, но принесся откуда то издалека, словно залетѣлъ случайно въ комнату. Странно подѣйствовалъ этотъ трепещущій, звенящій звукъ на всѣхъ насъ; мы взглянули другъ на друга... За этимъ первымъ звукомъ послѣдовалъ другой, болѣе твердый и протяжный, но все еще видимо дрожащій какъ струна, когда, внезапно прозвенѣвъ подъ сильнымъ пальцемъ, она колеблется послѣднимъ, быстро замирающимъ колебаньемъ; за вторымъ — третій, и, понемногу разгораясь и расширяясь, полилась заунывная пѣсня.

„Не одна во полѣ дороженька пролежала“ пѣлъ онъ, и всѣмъ намъ сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, рѣдко слыхивалъ подобный голосъ: онъ былъ слегка разбитъ и звенѣлъ какъ надтреснутый; онъ даже сначала отзывался чѣмъ-то болѣзненнымъ; но въ немъ была и неподдѣльная глубокая страсть, и молодость, и сила, и слабость, и какая то увлекательно безпечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала въ немъ, и такъ и хватала васъ за сердце, хватала прямо за его русскія струны. Пѣснь росла, разливалась. Яковомъ видимо овладѣвало упоеніе: онъ уже не робѣлъ, онъ отдавался весь своему счастью; голосъ его не трепеталъ болѣе—онъ дрожалъ, но той едва замѣтно внутренней дрожью страсти, которая стрѣлой вонзается въ душу слушателя, и безпрестанно крѣпчалъ, твердѣлъ и расширялся. Помнится, я видѣлъ однажды, вечеромъ, во время отлива, на плоскомъ песчаномъ берегу моря, грозно и тяжко шумѣвшаго вдали, большую бѣлую чайку: она сидѣла неподвижно, подставивъ шелковистую грудь алому сіянію зари, и только изрѣдка медленно расширяла свои длинныя крылья на-встрѣчу знакомому морю, на-встрѣчу низкому, багровому солнцу: я вспомнилъ о ней, слушая Якова. Онъ пѣлъ, совершенно позабывъ и своего

соперника, и всѣхъ насъ, но видимо поднимаемый, какъ бодрый пловецъ волнами, нашимъ молчаливымъ, страстнымъ участиемъ. Онъ пѣлъ, и отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ безконечную даль. У меня, я чувствовалъ, закипали на сердцѣ и поднимались къ глазамъ слезы; глухія, сдержанные рыданья внезапно поразили меня... Я оглянулся—жена цаловальника плакала, припавъ грудью къ окну. Яковъ бросилъ на нее быстрый взглядъ и залился еще звонче, еще слаще прежняго, Николай Иванычъ потупился, Моргачъ отвернулся; Обалдуй, весь изнѣженный, стоялъ, глупо разинувъ ротъ; сѣрый мужичокъ тихонько всхлипывалъ въ уголку, съ горькимъ шопотомъ покачивая головой; и по желѣзному лицу Дикаго Барина, изъ-подъ совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза.

Пльцы.

* *
*

Я увидѣлъ нѣчто... нѣчто дѣйствительно страшное. Это нѣчто было тѣмъ страшнѣе, что не имѣло опредѣленнаго образа. Что-то тяжелое, мрачное, изжелта-черное, пестрое, какъ брюхо ящерицы,—не туча и не дымъ, медленно, змѣиннымъ движеніемъ, двигалось надъ землей. Мѣрное широкое колебаніе сверху внизъ и снизу вверхъ, колебаніе, напоминающее зловѣщій размахъ крыльевъ хищной птицы, когда она ищетъ свою добычу; по временамъ неизъяснимо противное приниканіе къ землѣ—паукъ такъ прикидается къ пойманной мухѣ... Кто ты, что ты, грозная масса? Подъ ея вліяніемъ—я это видѣлъ, я это чувствовалъ—все уничтожалось, все нѣмѣло... Гнилымъ тлетворнымъ холодкомъ несло отъ нея—отъ этого холодка тошнило на сердцѣ, и въ глазахъ темнѣло, и волосы вставали дыбомъ. Это сила шла; та сила, которой

нѣтъ сопротивленія, которой все подвластно, которая безъ зрѣнія, безъ образа, безъ смысла—все видитъ все знаетъ, и какъ хищная птица выбираетъ свои жертвы, какъ змѣя ихъ давитъ и лижетъ своимъ мерзлымъ жаломъ...

Призраки.

* *
*

Прощай, жизнь, прощай, мой садъ, и вы, мои липы! Когда придетъ лѣто, смотрите, не забудьте сверху до низу покрыться цвѣтами... и пусть хорошо будетъ людямъ лежать въ вашей пахучей тѣни, на свѣжей травѣ, подъ лепечущій говоръ вашихъ листьевъ, слегка возмущенныхъ вѣтромъ. Прощайте, прощайте! прощай все и навсегда.

Дневникъ лишняго человека.

* *
*

№ 150.

15

3232
МОГИБИМ
ЕУНИИСТ.
Ч. №

• 5 ИЮЛ 1947

2010515726